

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

А. ГРАМШИ

ДАТЬ ИСТОРИИ

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

АНТониО ГРАМШИ

СТАТЬИ ИЗ «ОРДИНЕ НУОВО»

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ

*Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:*
**А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Ц. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основатель Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши (1891—1937) принадлежит к числу выдающихся пролетарских революционеров и теоретиков-марксистов. «В истории итальянского рабочего движения, в истории итальянской культуры и итальянской мысли,— писал о нем его ближайший друг и боевой соратник Пальмиро Тольятти,— Антонио Грамши — первый настоящий, цельный, последовательный марксист» *. Он первым в Италии глубоко постиг революционную сущность учения основоположников научного социализма, правильно оценил творческий вклад, внесенный Лениным в дальнейшее развитие марксизма, и на основе марксистско-ленинского учения определил исторические задачи итальянского пролетариата.

В Сардинии, где Грамши родился, он познакомился с жизнью и проблемами аграрной полуфеодальной Южной и Островной Италии, население и природные богатства которой были для капиталистов Северной Италии объектом эксплуатации полуколониального типа. В рабочее и социалистическое движение Грамши вступил в Турине — центре индустриального Пьемонта, куда он приехал в 1911 году. Там он обогащается опытом передового отряда рабочего класса. «Молодой сардинский революционер,— писал Тольятти,— пошел на выучку к молодому, развитому, сплоченному туринскому пролетариату» **.

* *М. Эрколи*. Грамши и Компартия Италии, Партиздат, 1937, стр. 7.

** Там же, стр. 9—10.

С марксистской теорией Грамши познакомился по трудам Антонио Лабриола — одного из талантливых пропагандистов марксизма в Италии, побудившим его заняться углубленным изучением произведений Маркса и Энгельса.

Процесс идейного формирования Грамши как пролетарского революционера проходил в исключительно сложной обстановке Италии начала XX столетия, когда она находилась в состоянии глубокого социального кризиса.

На севере страны (в Ломбардии, Пьемонте и Лигурии) усиленно развивалась крупная промышленность, в долине реки По — интенсивное капиталистическое сельское хозяйство; в то же время значительная часть Центральной Италии и в особенности весь Юг и острова (Сицилия и Сардиния) не только не были вовлечены в процесс капиталистической индустриализации, но сохраняли самые отсталые формы земледелия, что накладывало печать отсталости на экономику всей страны и крайне усиливало внутренние диспропорции и противоречия, социальные контрасты и конфликты.

На международной арене итальянская буржуазия, следуя примеру своих империалистических соперников, значительно опередивших ее в захвате внешних источников сырья и рынков сбыта, бросалась от одной колониальной авантюры к другой.

Политическая обстановка в стране резко обострилась в 1914 году, когда вспыхнула первая мировая война, и в особенности в 1915 году, после вступления Италии в войну.

В. И. Ленин в статье «Империализм и социализм в Италии», опубликованной в 1915 году в журнале «Коммунист», писал: «Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой слюнки текут от удовольствия, что ее допустили к дележу добычи» *.

Однако итальянский народ не хотел воевать за чуждые ему захватнические цели буржуазии. Это сказалось на боеспособности армии, терпевшей поражение за пора-

---

* В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 324—325.

жением. Разгром итальянской армии при Капоретто представлял собой «подлинный мятеж, обусловленный недовольством солдат, отсутствием у них доверия к командованию, их волей к миру. Это положение было в большей степени вызвано политическими факторами, чем военными» *.

Не лучше обстояло дело и в тылу. Итальянская экономика, построенная на шаткой основе, не смогла справиться с напряжением военных лет, что привело к полной разрухе и к резкому ухудшению условий жизни народных масс. В ряде городов страны имели место демонстрации трудящихся, направленные против войны и связанных с ней лишений. В Турине в августе 1917 года вспыхнуло восстание рабочих. Борьба масс приобретала все более наступательный характер. Обстановка еще более накалилась после Великой Октябрьской социалистической революции, породившей в рабочем классе Италии небывалый энтузиазм и волю к борьбе. Эта воля к борьбе получила особенно яркое выражение в выдвинутом народными массами лозунге: «Надо сделать так, как в России!».

Основной партией рабочего класса Италии была в то время Итальянская социалистическая партия. ИСП — единственная из западных социалистических партий отказалась поддержать собственную буржуазию в империалистической войне. Объяснялось это рядом причин и, в частности, тем, что в Италии правящим классам не удалось так сильно заразить народные массы ядом шовинизма, как это имело место в других странах. Крайне правые, социал-шовинистические элементы в 1912 году в ходе борьбы против милитаризма и колониальных войн были исключены из социалистической партии. В 1914 году ИСП изгнала из своих рядов авантюриста и ренегата Муссолини и других «интервенционистов», ратовавших за вступление Италии в войну. Очистив свои ряды от явных предателей и открытых социал-империалистов, социалистическая партия не освободилась, однако, от реформистских, оппортунистических элементов, позиции которых в решающих вопросах внутренней и внешней политики почти не отличались от позиций либеральной буржуазии.

---

* «Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое освободительное движение», Госполитиздат, 1958, т. 2, стр. 280.

При этом реформисты были представлены в руководстве ИСП и занимали ключевые позиции в парламентской фракции социалистической партии, во многих муниципалитетах, во Всеобщей конфедерации труда и других массовых организациях трудящихся.

Политика руководства Итальянской социалистической партии, стоявшего на центристских позициях, выражалась в период войны в пресловутой формуле: «Не поддерживать войну и не саботировать ее». В этом проявилась идеологическая и политическая слабость, противоречивость и непоследовательность позиции ИСП. Программа Итальянской социалистической партии, принятая в 1892 году и действовавшая до 1919 года, исходила из реформистской, оппортунистической концепции постепенного перерастания капитализма в социализм и не содержала положения о диктатуре пролетариата, выражающего главное в марксистском учении. Не удивительно поэтому, что представители ИСП, участвовавшие в годы войны в международных социалистических конференциях в Циммервальде и Кинтале, не поддержали линии Ленина на раскол с социал-шовинистами и на превращение империалистической войны в войну гражданскую с целью свержения буржуазии и завоевания пролетариатом власти. Руководство социалистической партии не только не способствовало развертыванию революционного движения в стране, но, напротив, всячески тормозило и саботировало его.

Антонио Грамши уже в 1915 году, через несколько месяцев после вступления Италии в войну, пришел к выводу, что социалистическое движение в Италии не имеет ясной политической перспективы: руководители ИСП значительно отстают от уровня политического сознания индустриального пролетариата и уклоняются от постановки коренных проблем борьбы за социализм. Грамши примыкает к левому крылу партии, выступает против пассивности центристского руководства, ограничивавшего свои задачи борьбой за улучшение условий существования рабочих и за их избирательные права, гневно полемизирует с реформистами, толкавшими итальянское рабочее движение на путь «классового мира» с буржуазией, и ведет активную агитационно-пропагандистскую работу на крупных предприятиях Турина, воспитывая рабочих в революционном духе. После Циммервальда и Кинталя Грамши с особым вниманием изучает позицию большевиков, выступ-

ления и труды В. И. Ленина, в которых марксистское учение, освобожденное от оппортунистических наслоений и искажений, предстало в своем подлинном свете как учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Он все более убеждается в том, что руководители социалистической партии, не сумевшие понять природу империализма, корни вызванных им конфликтов, его противоречия, обусловившие кризис капиталистического строя, не в состоянии понять и задачи, вставшие перед рабочим классом в эту эпоху.

Решающее влияние на идейное формирование Грамши оказало изучение опыта большевистской партии в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Он полностью отдавал себе отчет в том, что Октябрьская революция, воспринятая с энтузиазмом рабочим классом и народными массами и с глубоким непониманием и враждебностью реформистскими деятелями, имеет всемирное значение и представляет собою исторический поворот на пути развития человечества. Осознав, что В. И. Ленин творчески развил марксистскую революционную теорию в соответствии с условиями новой исторической эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, — и опираясь на опыт Октября, Грамши в непосредственном контакте с итальянскими рабочими массами разработал программу действий, основанную на принципах марксизма-ленинизма, создал и воспитал подлинно революционную, коммунистическую партию и тем самым впервые в истории итальянского социализма осуществил на деле слияние рабочего движения с революционной научной теорией пролетариата.

Жизнь Грамши, целиком отданная борьбе за дело социализма, оборвалась очень рано: он прожил всего лишь 46 лет, из которых свыше десяти лет томился в фашистском застенке. В 1926 году Грамши был арестован по приказу Муссолини, стремившегося обезглавить коммунистическую партию и рабочий класс, и в 1928 году приговорен к 20 годам тюремного заключения. Бесконечные пересылки из одной тюрьмы в другую в мрачных арестантских вагонах, закованным в кандалы, содержание в сырых, лишенных солнечного света одиночных камерах, плохое питание и отсутствие медицинской помощи подорвали его здоровье. Однако фашисты, которые обращались с Грамши «не престо как с врагом, но как с самым опасным

и страшным врагом» *, не смогли сломить стойкость захваченного ими пролетарского революционера. Когда Грамши «посоветовали» обратиться лично к Муссолини с просьбой о помиловании, он с достоинством ответил: «То, что мне предлагают, является самоубийством. У меня нет ни малейшего желания покончить самоубийством».

Фашистские палачи, действуя с утонченной жестокостью, осуществили задуманное реакционными правящими кругами подлое убийство: 27 апреля 1937 года Грамши, замученный своими тюремщиками, умер в тюрьме в Риме.

Идейное наследие Грамши — его статьи, очерки, полемические заметки, научные исследования — охватывает обширный круг экономических, исторических, социально-политических и других проблем итальянской действительности, которые всегда ставятся, рассматриваются и решаются им с революционных позиций, в свете конкретных задач, стоящих перед итальянским рабочим классом и его авангардом. Для творчества Грамши характерно «неразрывное единство теории и революционной практики, взаимосвязь дел и принципов, непрерывное углубление теории на основе обобщения классовой борьбы. Он добивался того, чтобы классовая борьба развивалась во всех областях, начиная с организации рабочих на предприятиях, с конфликтов между рабочими и хозяевами до самых высоких форм политической и идеологической борьбы против буржуазии» **.

В предлагаемый читателю выпуск «Библиотечки по научному социализму» вошли несколько статей, напечатанных в туринском еженедельнике «Ордине нуово» («Новый строй») в 1919—1920 годах, в период, когда революционная борьба итальянских рабочих достигла наивысшей точки. Они дают представление о роли Великой Октябрьской социалистической революции в подъеме революционного движения в Италии, о борьбе Грамши за создание революционной партии нового типа и о его борьбе за установление в Италии диктатуры пролетариата. В этих статьях Грамши предстает уже как вполне зрелый марксист-ленинец, воплотивший в себе лучшие традиции итальянского и международного рабочего движения.

---

* М. Эрколи. Грамши и Компартия Италии, стр. 7.

** Антонио Грамши. Избранные произведения, т. 1, ИЛ, 1957, стр. 7—8 (предисловие Пальмиро Тольятти).

В выпуск включены также отрывки из работы «Современный государь» («Проблемы революции»), посвященной вопросам борьбы коммунистической партии за гегемонию рабочего класса в революции, исследованию политических задач, стоящих перед рабочим классом и его партией в борьбе за создание социалистического государства. Вошли в него и несколько глав из работ, объединенных общим названием «Проблемы культурной жизни» и посвященных вопросам истории формирования интеллигенции и ее роли в создании новой, социалистической культуры. Эти работы написаны в одиночной камере фашистской тюрьмы и составляют часть «Тюремных тетрадей» Грамши, который даже в период десятилетнего тюремного заключения сумел внести огромный вклад в дело возрождения и распространения революционного марксизма в Италии. Ему приходилось писать так, чтобы у тюремной цензуры не возникли подозрения, что его записи могут быть использованы в политических целях. Поэтому Грамши в этих произведениях нередко прибегает к условным выражениям (например, «современный государь» означает партия, «социальная группа» — класс, и т. д.).

Статья «Дань истории», опубликованная 7 июня 1919 года, посвящена Великой Октябрьской социалистической революции. Она отражает не только солидарность Грамши с пролетариатом России, уплатившим свою дань истории «миллионами смертей, нищетой, голодом, самопожертвованием» и продолжавшим в ожесточенной и героической борьбе с внутренней реакцией и иностранными интервентами отстаивать права и независимость своего государства, но и глубокое понимание характера и международного значения Октябрьской революции. Революция лишь тогда есть подлинная революция, а не напыщенная, пустая демагогическая риторика, пишет Грамши, когда она воплощается в государстве определенного типа, когда она становится организованной системой власти. «Величие большевиков в политике, их невиданный в истории шедевр политического руководства заключается именно в том, что... они сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа и заложили прочный фундамент, на котором начался исторический процесс строительства коммунистического общества, — словом, в том, что впервые в истории они воплотили в жизнь Марксову формулу диктатуры пролетариата». И далее:

«Советы доказали свое бессмертие как форма организации общества, наилучшим образом отвечающая постоянным и многообразным (экономическим и политическим) жизненным потребностям русского народа, воплощающая в себе и претворяющая в жизнь надежды и чаяния угнетенных всего мира» (стр. 23—24 *).

В статье «Завоевание государства», опубликованной 12 июля 1919 года, Грамши исследует вопрос о роли государства в классовом обществе. Законы истории, пишет он, всегда были продиктованы классом собственников, организованным в государство. В государстве, в том числе и в буржуазно-демократическом, господствующий класс, несмотря на раздоры и столкновения, обусловленные конкуренцией, организуется, чтобы сохранить в неприкосновенности свои классовые привилегии. Грамши подвергает беспощадной критике «парламентский кретинизм» идеологов реформизма, уверовавших в совершенство и вечность институтов буржуазно-демократического государства. Опыт революции в России, Венгрии и Германии показывает, что «социалистическое государство не может воплотиться в институты государства капиталистического», ибо его задача состоит в «уничтожении конкуренции путем отмены частной собственности, классов, национальных рамок экономики», а это не может быть осуществлено парламентской демократией. Поэтому необходимо «создание государства нового типа на основе коллективного опыта пролетариата и замена им парламентско-демократического государства» (стр. 31).

Статья «Завоевание государства» дает ясное представление о том, какое большое значение в развитии мировоззрения и политической деятельности Грамши имел опыт Советов. Грамши не имел в виду механически применить в Италии опыт русских Советов; он считал необходимым «найти им эквивалент, соответствующий конкретным условиям итальянской обстановки, понять, какой орган мог бы в Италии выполнить ту функцию, которую осуществили Советы в России» **.

Грамши представлял себе пролетарское государство в Италии как государство Советов рабочих, крестьян и сол-

---

* Здесь и далее ссылки даются на страницы настоящего издания. *Ред.*

** «Антонио Грамши — великий сын итальянского народа», стр. 8.

дат, базирующееся на уже существующей в стране специфически итальянской рабочей организации, а именно на «внутренних фабрично-заводских комиссиях». Эти комиссии возникли во время войны по инициативе профсоюзов для защиты экономических и правовых интересов рабочих непосредственно на предприятии. В дальнейшем они вышли из-под прямого контроля профсоюзов и развились в самостоятельные организации, избираемые всеми рабочими предприятия. Грамши пришел к выводу, что фабрично-заводские комиссии, в случае расширения их функций и преобразования в Советы, могли бы стать боевыми органами рабочего класса и основой итальянского пролетарского государства. Исходя из этого, Грамши организовал широкое движение за создание и за права фабрично-заводских Советов, которое вписало одну из самых славных страниц в историю итальянского рабочего движения.

В статьях «Рабочие и крестьяне», «Пролетарское единство», «Коммунистическая партия» ставятся важнейшие вопросы научного социализма: проблема союза рабочего класса и крестьянства в конкретных исторических условиях Италии, вопросы о движущих силах пролетарской революции, о необходимости обеспечить единство пролетариата в борьбе с раскольниками из лагеря реформистов и оппортунистов и ряд других проблем.

Особое место в ряду работ Грамши, опубликованных в «Ордине пуово» в 1919—1920 годах, занимает доклад «За обновление социалистической партии», напечатанный в номере за 8 мая 1920 года. В докладе, послужившем основой для широко развернувшейся критики деятельности и политического курса руководства социалистической партии, Грамши с исключительной глубиной анализирует положение в стране и расстановку классовых сил. Классовая борьба в Италии характеризуется тем, что промышленные и сельскохозяйственные рабочие «преисполнены непреклонной решимости четко и определенно, не останавливаясь перед насилием, поставить вопрос о собственности на средства производства». В то же время промышленники, пользуясь отсутствием координации сил и революционной сплоченности в рядах итальянских рабочих, пытаются посредством локаута поставить рабочий класс на колени, а землевладельцы «намерены свергнуть сельскохозяйственное производство, с тем чтобы довести сельскохозяйственный пролетариат до отчаяния и обречь его на

голод». За настоящим этапом классовой борьбы в Италии, предвидит Грамши, «последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства» (стр. 47).

Между тем социалистическая партия, вместо того чтобы развернуть всестороннюю деятельность, которая обеспечила бы рабочему классу возможность одержать победу в революции, «продолжала оставаться чисто парламентской партией, застывшей в тесных рамках буржуазной демократии». Руководство партии ничего не предпринимает для того, чтобы «сделать партию однородным и монолитным революционным отрядом», не противопоставляет пропаганде, которую реформисты и оппортунисты проводят в парламенте и профсоюзах, собственной революционной точки зрения, не побуждает массы отстранить реформистов и оппортунистов от руководства профсоюзами и кооперативами.

В докладе отмечается настоятельная необходимость пачать работу по обновлению и организационному укреплению партии, которая «должна превратиться из мелкобуржуазной парламентской партии в партию революционного пролетариата, борющуюся за построение коммунистического общества посредством рабочего государства, в партию однородную, монолитную, имеющую свою теорию, свою тактику, в партию, поддерживающую жесткую и суровую дисциплину. Всякий, кто не является революционером-коммунистом, должен быть изгнан из партии и из ее руководства» (стр. 51).

В. И. Ленин в «Тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна» признал, что критика и практические предложения, содержащиеся в документе от 8 мая 1920 года, «вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала» и что необходим созыв чрезвычайного съезда ИСП «для исправления линии партии и для очи-

щения ее, и особенно ее парламентской фракции, от некоммунистических элементов» *.

В статье «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии», опубликованной 7 ноября 1920 года, В. И. Ленин писал: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом России и Венгрии» **.

Последующее развитие событий показало, что Ленин был прав. В 1919—1920 годах в Италии существовали благоприятные объективные условия для победы революции, но отсутствовал решающий субъективный фактор: не было марксистско-ленинской партии, в силу чего рабочие, крестьяне, трудящиеся были лишены надежного революционного руководства.

Итальянская коммунистическая партия родилась в Ливорно 21 января 1921 года, после того как центристы, отказавшись изгнать из партии реформистов, вызвали раскол социалистической партии. Создание коммунистической партии уже не могло предотвратить разгула реакции. Раскол произошел с опозданием, когда наиболее активная фаза борьбы итальянского пролетариата и крестьянства закончилась и начался спад. Кроме того, потребовалась еще огромная работа, проведенная под руководством Грамши и его верного соратника Тольятти, чтобы на деле поднять партию на уровень стоявших перед ней исторических задач. На первых порах партия страдала детской болезнью «левизны». «Только путем упорного и большого труда, в борьбе против фашизма и крупного капитала, против оппортунизма и сектапства коммунистическая партия укрепилась идеологически, политически и организационно и стала подлинным авангардом рабочего класса и народа Италии» ***.

Итальянская коммунистическая партия уделяет огромное внимание изучению идейного наследия Грамши. Его труды, являясь крупным научно-теоретическим вкладом в сокровищницу марксизма, наглядно свидетельствуют о том, что успешное развитие марксистской теории возможно

---

* В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 175.

** Там же, стр. 357.

*** «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 309—310.

лишь на основе практики, на основе опыта революционной борьбы, продолжают и сейчас служить итальянским коммунистам руководством к действию.

В своем докладе на VIII съезде ИКП 8 декабря 1956 года Пальмиро Тольятти подчеркнул, что в творчестве Грамши «марксизм смог подняться на новую ступень» лишь потому, что Грамши непосредственно опирался на практический опыт нескольких десятилетий работы и борьбы социалистического движения. Тольятти призвал деятелей партии следовать примеру Грамши и «никогда не забывать этой связи между теорией и практикой, никогда не ограничиваться обсуждением изолированно взятых, чистых концепций, а от обсуждения идейных позиций уметь спускаться к практике и от практической действительности подниматься к идейным концепциям. Именно таким методом развивается марксизм...» *.

Появление избранных работ Антонио Грамши в выпуске «Библиотечки по научному социализму» позволит широкому кругу советских читателей ознакомиться с важными сторонами творчества этого выдающегося деятеля итальянского и международного коммунистического и рабочего движения.

Т. Коррадов

---

* «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии», Госполитиздат, 1957, стр. 109.

ДАТЬ ИСТОРИИ

Чего еще требует история от русского пролетариата для того, чтобы узаконить и увековечить его завоевания? Какую еще дань крови и жертв потребует эта полновластная повелительница человеческих судеб?

Трудности и преграды, которые должна преодолеть пролетарская революция, оказались неизмеримо большими, чем трудности и преграды всех революций прошлого. Эти последние стремились лишь изменить форму частной и национальной собственности на средства производства и обмена, затрагивали лишь ограниченную часть общества.

Пролетарская революция — величайшая революция. Стремясь уничтожить частную и национальную собственность и ликвидировать классы, она вовлекает в круговорот событий всех людей, а не только ту или иную часть их. Она заставляет всех людей действовать, участвовать в борьбе, открыто встать на ту или другую сторону. Она коренным образом преобразовывает общество из организма, состоящего из одноклеточных ячеек, то есть из граждан-индивидуумов, в организм, составленный из многоклеточных ячеек, кладет в основу общества ячейки, которые уже сами по себе органически присущи ему. Пролетарская революция вынуждает все общество отождествлять себя с государством, требует от всех и каждого понимания своего морального и исторического долга. Вот

почему пролетарская революция является социальной, вот почему ей приходится преодолевать неслыханные трудности и преграды, вот почему для успешного ее завершения история требует чудовищных жертв вроде тех, что приносит русский народ.

До сих пор русская революция сумела преодолеть все преграды, воздвигнутые перед ней историей. Она выдвинула такую блестящую плеяду государственных деятелей, какой нет ни у одной другой нации. Это примерно тысячи две людей, которые всю свою жизнь посвятили изучению (на практике) политических и экономических наук. В течение десятилетий, проведенных в изгнании, они глубоко и всесторонне исследовали всевозможные проблемы революции; они закалились в борьбе, в неравном поединке с силами царизма, выработали у себя железный характер; непосредственно соприкасаясь со всеми формами капиталистической цивилизации Европы, Азии и Америки, тщательно изучив направление течений, вливающих в общий поток мирового экономического и исторического развития, они выработали в себе четкое и ясное понимание своего долга — оружие, столь же могучее и разящее, как мечи покорителей целых империй.

Русские коммунисты являются первоклассным руководящим ядром. Ленин, по свидетельству всех, кто с ним когда-либо сталкивался, показал себя величайшим государственным деятелем современной Европы, человеком, пользующимся безграничным влиянием в массах, зажигающим в пародах энтузиазм, пробуждающим в них чувство сознательной дисциплины; человеком, который благодаря своему могучему уму способен повести за собой все мировые социальные силы, могущие быть использованными на благо революции; человеком, легко распознающим и парализующим самые изощренные козни буржуазных государственных деятелей.

Но одно дело — коммунистическое учение, пропагандирующая его политическая партия и рабочий класс, сознательно воплощающий это учение, другое — огромный русский народ, усталый, дезорганизованный в результате долгой губительной войны, ввергнутый ею в пучину нищеты, варварства, анархии и разложения. Величие большевиков в политике, их невиданный в истории шедевр политического руководства заключаются именно в том, что они подняли упавшего гиганта и снова придали (или, вер-

нее, впервые придали) конкретную динамическую форму этой дезорганизации, этому хаосу; в том, что они сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа и заложили прочный фундамент, на котором начался исторический процесс строительства коммунистического общества,— словом, в том, что впервые в истории они воплотили в жизнь марксову формулу диктатуры пролетариата. Революция лишь тогда есть подлинная революция, а не напыщенная, пустая, демагогическая риторика, когда она воплощается в государстве определенного типа, когда она становится организованной системой власти. Общество существует только в форме государства, которое является в одно и то же время источником и целью всякого права, всякого долга, служит гарантией постоянства и успеха всякой социальной деятельности. Пролетарская революция является таковой лишь тогда, когда она порождает государство нового типа — пролетарское государство — и воплощается в нем; это государство стоит на страже пролетарского права, и осуществление им своих основных функций есть проявление жизненных сил и потенциальной мощи пролетариата.

Большевики придали государственную форму историческому и социальному опыту русского пролетариата, который является также опытом пролетариата и крестьянства всех стран, облекли в форму сложного разветвленного и гибкого организма все, даже самые сокровенные стороны жизни пролетариата своей страны, его традиции, славную историю его духовного и социального развития в ее наиболее глубоких проявлениях. Они порвали с прошлым, но в то же время продолжали его, порвали с традициями, но одновременно развили и углубили их; они покончили с историческим прошлым, в котором господствовали имущие классы, и продолжили, развили и обогатили жизненные традиции пролетариата, традиции рабочих и крестьян. В этом они были революционерами, поэтому они установили новый строй и дисциплину. Разрыв был неотвратим, так как дело шло о самой сути истории. Возврата к прошлому не было, ибо в противном случае Россия оказалась бы ввергнутой в небывалую катастрофу. И вот начинается гигантский поединок со всеми требованиями и задачами, выдвигаемыми историей, от самых элементарных до наиболее сложных; пролетарское госу-

дарство должно было считаться с требованиями истории, подчинить их себе, включить их в сложный механизм своих многообразных функций.

Необходимо было привлечь на сторону нового государства лояльное большинство русского народа. Нужно было показать русскому народу, что новое государство является его государством, его жизнью, воплощением его духовных устремлений, его самым драгоценным достоянием, что оно соответствует его традициям. Государство Советов имело свой руководящий отряд — большевистскую коммунистическую партию; оно пользовалось поддержкой промышленных рабочих, которые являлись меньшинством общества, но наиболее сознательной частью класса трудящихся и выражали жизненные и постоянные интересы всего этого класса. Государство Советов стало государством всего русского народа благодаря упорству и пастойчивости коммунистической партии, горячей вере и энтузиазму рабочих, энергичной неустанной пропаганде, разъяснительной и воспитательной работе выдающихся деятелей русской коммунистической партии, руководимых ясной и негибасмой волей учителя всех трудящихся — Ленина. Советы доказали свое бессмертие как форма организации общества, наилучшим образом отвечающая постоянным и многообразным (экономическим и политическим) жизненным потребностям русского народа, воплощающая в себе и претворяющая в жизнь надежды и чаяния угнетенных всего мира.

Длительная и злополучная война оставила печальное наследство нищеты, варварства, анархии. Жизнь общества была дезорганизована, человеческое общество превратилось в орду безработных, безвольных, недисциплинированных кочевников, в аморфную массу — продукт безграничного социального разложения. Новое государство собирает обломки общества, соединяет их, укрепляет; возрождает уверенность, дисциплину, идеалы, волю к труду и прогрессу. Это великая задача, и выполнение ее могло бы принести славу целому поколению.

Но это еще не все. История не довольствуется этим доказательством. Грозные враги ополчаются против нового государства. Печатают фальшивые деньги, чтобы подкупить крестьян, пытаются подачками привлечь на свою сторону измученный голодом народ. Россия отрезана от

всех выходов к морю; прерваны ее торговые и все прочие связи; захвачены Украина с Донецким бассейном, Сибирь; Советское государство лишено продовольствия и источников сырья. На фронте протяженностью в десять тысяч километров вооруженные банды угрожают вторжением; мятежи, измены, вацдализм, террористические акты и саботаж оплачиваются щедрой рукой. Самые блестящие победы превращаются из-за измен в неожиданные поражения.

И все же Советская власть держится: из хаоса поражений она создает могучую армию, превращающуюся в стальной хребет пролетарского государства.

Теснимое со всех сторон неисчислимыми враждебными силами, оно находит в себе интеллектуальную мощь и необходимую гибкость, чтобы приспособиться к потребностям момента, не изменяя своей сущности, не компрометируя счастливо начатого продвижения к коммунизму.

Таким образом, Советское государство доказывает, что оно представляет собой неизбежное явление, неотвратимый этап развития человеческой цивилизации, первую ячейку нового общества.

Ввиду того, что другие государства не могут примириться с существованием пролетарской России и в то же время не в силах ее уничтожить, ввиду того, что огромные средства, которыми располагает капитал, — монополия на информацию, клевета, коррупция, сухопутная и морская блокада, бойкот, саботаж, беспардонное вероломство (Принцезы острова) *, нарушение международного права (война без объявления ее), военное давление при превосходстве военной техники — бессильны сломить веру народа, исторически необходимо, чтобы другие государства перестали существовать или преобразовались подобно России.

---

* По предложению Ллойд Джорджа в январе 1919 года, несмотря на возражения Франции, западные державы решили пригласить на конференцию на Принцезы острова представителей Советского правительства и существовавших на территории России белогвардейских правительств. Требования, предъявленные Советскому правительству в качестве условий его допуска на конференцию, свидетельствовали о стремлении получить путем дипломатического маневра то, что оказалось недостижимым с помощью интервенции. *Прим. итальянск. ред.*

Человечество не может долго пребывать в состоянии раскола. Человеческий род тяготеет к внутреннему и внешнему единству, к такой системе мирного сосуществования, которая позволила бы перестроить весь мир. Социальный строй должен быть таким, чтобы он мог удовлетворять человеческие потребности.

Вот уже два года, как существует Советская Россия — одна, без всякой помощи, она выдержала разрушительную войну и блокаду. А капиталистические государства, которые пользуются поддержкой всего мира и наживаются на беспощадной эксплуатации колоний, по-прежнему катятся вниз, в бездну все новых и новых бедствий и катастроф.

Следовательно, именно Россия является теперь средоточием истории и жизни, лишь при советском строе находят соответствующее разрешение проблемы жизни и смерти, грозно нависшие над всем миром.

Русская революция уплатила свою дань истории миллионами смертей, нищетой, голодом, самопожертвованием, непреклонной волей. Ныне поединок достиг наибольшего ожесточения. Русский народ поднялся во весь свой гигантский рост; несмотря на голод и лишения, он грозно возвышается над толпой яростно набрасывающихся на него пигмеев. Он готов встретить врага во всеоружии, готов повторить славные дни Вальми *. Его нельзя победить. Русский народ отдал свою дань истории. Теперь его надо защищать от полчищ оголтелых наемников, от авантюристов и бандитов, которые хотели бы вцепиться зубами в его алое живое сердце. Надо, чтобы до него донесся воинственный клич его союзников и товарищей во всем мире, — тогда никто перед ним не устоит, тогда перед ним вновь откроются дороги, возвращающие его в лоно жизни всего мира.

Без подписи; «Ордине нуово»,
7 июня 1919 года, № 5

---

* *Вальми* — селение во Франции, близ которого французские революционные войска остановили в 1792 году вторжение войск австро-прусской реакционной феодально-монархической коалиции. *Ред.*

ЗАВОЕВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Капиталистическая концентрация, обусловленная способом производства, приводит соответственно к концентрации трудящихся масс. В этом следует искать источник всех революционных положений марксизма, причины возникновения нового пролетарского образа жизни, нового коммунистического порядка, призванного заменить буржуазный образ жизни и капиталистический беспорядок, порожденный свободной конкуренцией и классовой борьбой.

Находясь в сфере общей капиталистической деятельности, трудящийся также действует на основе свободной конкуренции, является гражданином-индивидуумом. Но исходные условия борьбы неодинаковы для всех: существование частной собственности ставит меньшинство в привилегированное положение, делает борьбу неравной. Трудящийся непрерывно подвергается смертельному риску: самая его жизнь, как простое физическое существование, его культурная жизнь, жизнь и будущее его семьи постоянно находятся под угрозой, зависят от неожиданных изменений и колебаний на рынке труда. Вот почему рабочий пытается выбраться из сферы конкуренции и индивидуализма. Стремление к объединению и солидарности становится отличительным свойством трудящегося класса, оно меняет психологию и образ жизни рабочих и крестьян. Возникают институты и организации, в которых это стремление воплощается; на их основе начинается процесс исторического развития, который приводит к обобществлению средств производства и обмена.

Стремление к объединению следует считать весьма важным фактором пролетарской революции. Как результат этой исторической тенденции во время предыдущего периода (можно назвать его периодом I и II Интернационалов или периодом собирания сил) возникли и стали шириться и крепнуть социалистические партии и профессиональные союзы.

Развитие этих пролетарских организаций и всего пролетарского движения в целом происходило, однако, не изолированно, не в силу каких-либо особых внутренних закономерностей, присущих жизни и историческому опыту трудящегося класса. Законы истории были продиктованы классом собственников, организованным в государстве.

Государство всегда было главным действующим лицом истории, так как в его органах концентрировалась мощь класса собственников. В государстве собственнический класс, несмотря на раздоры и столкновения, обусловленные конкуренцией, организуется, создает однородные объединения, чтобы сохранить в неприкосновенности свои привилегии в высшей фазе самой конкуренции — в классовой борьбе за власть, за господствующую роль в руководстве обществом, за подчинение его своей воле.

В этот период пролетарское движение было только функцией капиталистической свободной конкуренции. Пролетарские организации должны были принять определенную форму под воздействием не внутренних, а внешних законов, под колоссальным давлением обстоятельств и принуждения, порожденных капиталистической конкуренцией. Отсюда ведут начало внутренние конфликты, уклоны, колебания и компромиссы, характерные для пролетарского движения в течение всего периода, предшествующего настоящему, и приведшие к краху II Интернационала.

Некоторые течения в социалистическом и пролетарском движении безоговорочно считали основными элементами революции профессиональную организацию рабочих и на ней основывали всю свою пропаганду и деятельность. Был момент, когда казалось, что именно синдикалистское движение правильно истолковывало марксизм, правильно объясняло истинное положение вещей.

Ошибка синдикалистов заключается в том, что они рассматривают как нечто постоянное, как неизменную форму объединения трудящихся профессиональные союзы в той их форме и с теми их функциями, которые они имеют сегодня. Но эта форма и эти функции навязаны извне и, следовательно, не могут иметь постоянную и заранее предвиденную линию развития. Синдикализм, изображавший себя основателем либеристской * традиции «стихийности», на деле явился одним из многочисленных видов маскировки абстрактного якобинства.

Отсюда ошибки синдикалистского течения, которому не удалось подменить собой социалистическую партию

---

* *Либеристы* — здесь сторонники свободной конкуренции между трудом и капиталом. *Ред.*

в деле революционного воспитания трудящихся. Рабочие и крестьяне сознавали, что для всего периода, в течение которого собственнический класс и парламентарно-демократическое государство диктуют законы истории, всякая попытка уйти из сферы действия этих законов остается бесплодной и смехотворной; конечно, при той конкретной форме, которую приняло общество в условиях развития промышленного производства, каждый человек может активно участвовать в жизни и оказывать влияние на среду лишь постольку, поскольку он действует как гражданин-индивидуум, член парламентарно-демократического государства. Опыт либерализма не пропадает напрасно и может быть превзойден только после того, как он исчерпает себя. Аполитичность аполитиков явилась только вырождением политики: отрицание государства и борьба против него есть акция, в такой же мере политическая, как и участие в общей исторической деятельности, которая укладывается в определенные рамки в государственных народных институтах, парламентах и муниципалитетах. Меняется лишь характер этой акции: синдикалисты действовали в полном отрыве от реальной действительности, и поэтому их политика была в корне ошибочна. Социалисты-парламентаристы же действовали в самом тесном контакте с ней; они могли совершать ошибки (и совершали много грубейших ошибок), но не ошибались в том, что касается направления их деятельности, и потому одержали верх в этой «конкуренции». Широкие массы, вмешательство которых объективно приводит к изменению социальных отношений, сплотились вокруг социалистической партии. Несмотря на все ошибки и упущения, партия в конце концов выполнила свою миссию — заставила пролетария стать кем-то, тогда как раньше он был ничем, помогла ему приобрести сознательность, придала освободительному движению верное и жизненное направление, которое в основном соответствовало процессу развития человеческого общества. Наиболее серьезная ошибка социалистического движения была того же порядка, что и ошибка движения синдикалистского. Принимая участие в общей деятельности человеческого общества в государстве, социалисты забыли, что они должны были оставаться преимущественно на позициях критики, противопоставления; они позволили действительности поглотить себя, а не подчинили ее себе.

Марксистам-коммунистам должна быть присуща та психология, которую можно назвать «майэвтической» *. Их действия — не безвольное движение по течению событий, определяемому законами буржуазной конкуренции, а критика с точки зрения ожидаемых перспектив развития. История представляет собой постоянное становление и потому в основном не поддается предвидению. Но это не значит, что «все» не поддается предвидению, то есть что в истории господствуют произвол и бессмысленный каприз. История есть одновременно свобода и необходимость. Институты, в развитии и деятельности которых воплощается история, возникли и сохраняются, так как у них есть задачи, подлежащие осуществлению. Сложившись и получили широкое развитие определенные объективные условия производства материальных благ и духовной деятельности людей. Если эти объективные условия — которые в силу своей материальной природы могут быть определены чуть ли не математически — изменяются, изменяется и совокупность отношений, регулирующих и определяющих направление развития человеческого общества, изменяется степень сознательности людей, преобразуется социальное устройство, традиционные институты хиреют, становятся непригодными для выполнения стоящих перед ними задач, оказываются мешающими и вредными. Если бы в ходе истории человеческий ум оказался неспособен уловить ритм, установить сущность процесса, то развитие цивилизации было бы невозможным. Политический гений узнается именно по этой способности охватить возможно большее количество конкретных признаков, необходимых и достаточных для установления сущности процесса, то есть по способности предвидеть ближайшее и отдаленное будущее и с помощью этого предвидения наметить основное направление деятельности государства и взять на себя ответственность за судьбы народа. В этом отношении Карл Маркс намного превзошел самых великих современных политических деятелей.

Социалисты принимали как должное (и часто с рабской покорностью) ту историческую действительность, ко-

---

* *Майэтика* (греч.) — дословно: родовспомогательное искусство. Этим термином Сократ характеризовал свой метод исследования и обучения — метод бесед (диалогов), в которых истина рождалась или разъяснялась в процессе утверждений и возражений, посредством наводящих вопросов. *Ред.*

торая явилась продуктом капиталистической инициативы. Они впадали в психологическую ошибку либеральных экономистов: верили в вечность институтов буржуазно-демократического государства, в то, что в основном эти институты совершенны. По их мнению, форма этих демократических институтов может быть исправлена, кое в чем улучшена, но в основном должна оставаться неизменной. Примером этой ограниченности и тщеславия является безапелляционное изречение Филиппо Турати *, согласно которому парламент по сравнению с Советами — то же, что город по сравнению с варварской ордой.

В противовес этой ложной концепции исторического развития, давней практике компромисса и тактике «парламентского крестинизма» родилась современная формула «завоевания государства».

На основе опыта революции в России, Венгрии и Германии мы убедились в том, что социалистическое государство не может воплотиться в институты государства капиталистического, ибо социалистическое государство — явление совершенно новое если не в истории пролетариата, то, во всяком случае, по отношению к вышеуказанным институтам. Институты капиталистического государства созданы в целях свободной конкуренции: недостаточно произвести «смену лиц», чтобы направить в иную сторону деятельность этих институтов. Социалистическое государство — это еще не коммунизм, то есть еще не установление практики и порядка, основанных на экономической солидарности, — это государство переходного типа: задачей его является уничтожение конкуренции путем отмены частной собственности, классов, национальных рамок экономики. Эта задача не может быть осуществлена парламентской демократией. Формула «завоевание государства» должна быть понята следующим образом: создание государства нового типа на основе коллективного опыта пролетариата и замена им парламентарно-демократического государства.

---

* *Турати, Филиппо* (1857—1932) — один из лидеров правого крыла Итальянской социалистической партии, проповедовавший идею сотрудничества социалистов с буржуазией. Ярый враг Советского государства, активно противился развитию революционного движения в Италии. В 1922 году возглавил реформистскую Унитарную социалистическую партию. В. И. Ленин назвал его итальянским Мильбераном (см. *В. И. Ленин. Соч.*, т. 8, стр. 358). *Ред.*

Здесь мы должны возвратиться к исходному пункту. Мы сказали, что институты, созданные социалистическим и пролетарским движением в период, предшествующий настоящему, развивались не изолированно, а в непосредственной зависимости от общего состояния общества, управляемого высшими законами капитализма. Война коренным образом изменила стратегические условия классовой борьбы. Капиталисты перестали быть всемогущими; их свобода ограничена, их безраздельная власть уничтожена. Концентрация капитала достигла максимальной степени, произошла монополизация средств производства и обмена во всемирном масштабе. Сопутствующая ей концентрация рабочих масс дала революционному пролетариату невиданную мощь.

Старые институты рабочего движения оказываются недостаточно эффективными в условиях столь бурной революционной деятельности. Самая их форма стала непригодной для руководства силами, включившимися в сознательный исторический процесс. Но они не отжили свой век. Возникнув как продукт свободной конкуренции, они должны продолжать свое существование до тех пор, пока не будут уничтожены последние остатки конкуренции, пока не будут полностью упразднены классы и партии, — до слияния национальных пролетарских диктатур в Коммунистическом Интернационале. Но рядом с ними должны возникнуть и развиваться институты нового типа, государственного типа, которые придут на смену частным и общественным институтам парламентарно-демократического государства. Эти институты должны замещать капиталиста в выполнении административных функций и осуществлении власти над производством, обеспечить автономию производителя на предприятии; они должны быть в состоянии выполнять все функции, присущие сложной системе отношений производства и обмена, которые связывают отдельные цехи предприятия в элементарную, первичную экономическую единицу, объединяют различные отрасли сельского хозяйства и образуют как путем сочленения, так и путем соподчинения стройную систему национальной и интернациональной экономики, освобожденную от сковывающей ее паразитической тирании частных собственников.

Никогда еще революционный подъем и энтузиазм западноевропейского пролетариата не были так сильны. Но

нам кажется, что ясному и четкому сознанию цели не сопутствует столь же ясное и четкое сознание того, какие средства пригодны в данное время для достижения этой цели. В массах уже укоренилось убеждение в том, что пролетарское государство должно воплощаться в системе Советов рабочих, крестьян и солдат, однако еще не выработана тактическая концепция, которая объективно обеспечила бы создание этого государства. Необходимо поэтому теперь же создать сеть пролетарских институтов, которые уже прочно вошли в сознание широких масс, институтов, которые всегда могли бы рассчитывать на дисциплину и преданность широких масс, которые дали бы классу рабочих и крестьян, сплотившемуся воедино, форму организации, полную динамизма и богатую возможностями дальнейшего развития. Ясно, что если бы массовое движение приняло революционный характер теперь, при данной степени организации пролетариата, то результатом этого было бы лишь некоторое формальное улучшение деятельности демократического государства, скажем, были бы расширены права палаты депутатов (через учредительное собрание) или допущены к власти антикоммунистически настроенные путаники-социалисты. Германский и австрийский опыт должен кое-чему научить. Силы демократического государства и класса капиталистов еще огромны. Не секрет, что капитализм держится главным образом благодаря деятельности состоящих у него на службе предателей и лакеев, а люди такой породы отнюдь еще не перевелись.

Пролетарское государство не может быть создано по мановению волшебной палочки, это процесс, требующий времени, подготовительной работы — как приведения в систему существующих институтов, так и пропаганды. Нужно сильнее развить уже существующие пролетарские институты на фабриках и заводах, дать им больше прав, создать подобные же институты в деревне, добиться, чтобы люди, в них входящие, были коммунистами, сознающими революционные задачи, стоящие перед этими институтами. В противном случае никакой энтузиазм, никакая преданность рабочих масс делу революции не смогут помешать развитию событий в таком направлении, что революция сведется к созданию нового жалкого парламента обманщиков, пустозвонов и безответственных лю-

дей; в этом случае понадобились бы новые, еще более чудовищные жертвы, чтобы обеспечить утверждение государства пролетариев.

Без подписи; «Ордине нуово»,
12 июля 1919 года, № 9

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Во время войны и для нужд войны итальянское государство взяло на себя функции регулирования производства и распределения материальных благ. Сложилась новая форма — промышленный и торговый *трест*, форма концентрации средств производства и обмена, произошло уравнивание условий эксплуатации пролетарских и полупролетарских масс, повлекшее за собой их революционные действия. Нельзя понять сущность настоящего периода, если не принять во внимание этих явлений и порожденных ими психологических последствий.

В странах капиталистически еще отсталых, как Россия, Италия, Франция и Испания, существует резкое различие между городом и деревней, между рабочими и крестьянами. В сельском хозяйстве сохранились чисто феодальные экономические отношения и соответствующая им психология. Идея современного либерально-капиталистического государства здесь еще широко не известна, экономические и политические институты рассматриваются не как исторические категории — которые имели начало, прошли стадию своего развития и могут исчезнуть после того, как они создадут условия для более высоких форм общественного сосуществования людей, — а как категории естественные, вечные, неизменные. И на самом деле, крупная земельная собственность осталась вне свободной конкуренции, и современное государство заботливо хранило ее феодальную сущность, изобретая юридические нормы (вроде *фидеикомисса* *), которые фактически сохраняют

---

* *Фидеикомисс* — в римском частном праве поручение наследодателя наследнику о выдаче третьему лицу всего наследства или части его. Одним из случаев применения этой правовой нормы являлось распоряжение наследодателя о передаче имущества после

права и привилегии, характерные для феодального режима. Поэтому психология крестьянина осталась такой же, какой она была у крепостного, который при определенных обстоятельствах яростно восстает против «господ», но неспособен считать себя членом коллектива (то есть нации — в понимании собственников, класса — в понимании пролетариев) и предпринять систематические и постоянные действия, направленные на изменение экономических и политических условий общественного сосуществования.

Психология крестьянина при таких условиях не поддавалась определению, действительные его чувства оставались сложными, смутными, замаскированными выработавшейся для защиты от эксплуатации системой поведения, чисто эгоистического, лишенного логической последовательности; важными элементами такого поведения были скрытность и притворное угодничество. Классовая борьба переплеталась с бандитизмом, вымогательством, с поджогами леса, угоном скота, похищением детей и женщин, нападениями на муниципалитеты — это была форма примитивного террора, не влекшего за собой долговечных и серьезных последствий. Таким образом, объективно психология крестьянина сводилась к нескольким примитивным чувствам, зависящим от социальных условий, которые были порождены парламентарно-демократическим государством: крестьянин был всецело во власти помещиков, их наемников и продажных правительственных чиновников; главная его забота заключалась в том, чтобы оградить свою жизнь от стихийных бедствий, от злоупотреблений и жестоких насилий со стороны земельных собственников и правительственных чиновников. Крестьянин всегда жил вне сферы действия закона, не имел юридического лица, не считался за человека. Он оставался анархическим элементом, представлял собой как бы мельчайшую частицу хаотического беспорядка. Его удерживало только одно: страх перед карабином и дьяволом. Он не знал, что такое организация, что такое государство, дисциплина. Терпеливый и упорный в своем повседневном труде, в своем стремлении отвоевать

смерти первоначального наследника третьему лицу. Институт фидеикомисса был использован в Западной Европе в эпоху феодализма для сохранения крупной земельной собственности в руках знатных дворянских родов и предотвращения ее дробления. *Ред.*

у природы хотя бы скудную долю ее плодов, способный на песляханные жертвы ради семьи, он проявлял нетерпение и дикую жестокость в классовой борьбе, не был способен наметить себе конечную цель и упорно добиваться ее достижения путем систематической борьбы.

Четыре года, проведенные в окопах, неисчислимые кровавые жертвы корешным образом изменили психологию крестьянина. Эта перемена с особой силой выявилась в России и послужила одной из основных причин революции. То, чего не смог сделать нормальный процесс промышленного развития, сделала война. Война вынудила страны с менее развитым капитализмом и, значит, менее оснащенные техническими средствами мобилизовать всех годных для службы мужчин, чтобы противопоставить огромное количество пушечного мяса военной мощи центральных империй. Для России война означала установление контакта между людьми, разбросанными по обширнейшей территории, означала непрерывно продолжавшуюся в течение многих лет концентрацию людей, непосредственно подвергавшихся лишениям и опасности быть убитыми, подчиненных одинаковой для всех и одинаково свирепой дисциплине. Психологический эффект столь долгого периода коллективной жизни в подобных условиях был огромен и богат непредвиденными последствиями.

Индивидуальные эгоистические инстинкты ослабли, возникли общая психология, общие чувства; крестьяне приобрели навыки социальной дисциплины и стали воспринимать государство во всей его многогранной грандиозности, безграничной мощи, во всей сложности его системы. Они стали воспринимать мир не как нечто безгранично огромное, вроде вселенной, и не как нечто узкоограниченное, мелкое, нечто вроде деревенской колокольни, а как совокупность конкретных государств и народов, сильных и слабых сторон социальной жизни, армий и машин, богатства и бедности. Были установлены связи солидарности, которые иначе могли бы завязаться только после многих десятков лет накопления исторического опыта, многих десятков лет борьбы. За четыре года в грязи и крови возник в окопах новый духовный мир, жаждущий найти свое выражение в социальных, постоянно совершенствующихся организациях и институтах.

Так возникли на русском фронте Советы солдатских

депутатов, так крестьяне-солдаты смогли принять активное участие в жизни Советов Петрограда, Москвы и других промышленных центров России, приобрели сознание необходимости единства трудящихся; так случилось, что по мере того, как русская армия демобилизовывалась и солдаты возвращались в родные места, вся территория Российской империи, от Вислы до Тихого океана, покрывалась густой сетью местных Советов — этих первичных органов, на основе которых происходит переустройство русского государства. На этой новой психологии основывается коммунистическая пропаганда, распространяющаяся из промышленных городов, и создается новая социальная система, свободно выбранная и проверенная опытом революционной коллективной жизни.

Исторические условия жизни Италии мало отличались и отличаются от русских. Проблема объединения класса рабочих и крестьян стоит одинаково и там и тут. Оно произойдет в условиях социалистического государства на основе новой психологии, выработанной во время общей оконной жизни рабочих и крестьян.

Методы ведения итальянского сельского хозяйства должны быть коренным образом изменены, чтобы оно могло выйти из кризиса, вызванного войной. Сокращение поголовья скота требует применения машин, быстрого перехода к промышленным методам ведения хозяйства, создания крупных сельскохозяйственных предприятий, имеющих возможность применять высокопроизводительные технические средства. Но такое преобразование не может произойти на основе частной собственности, не вызвав катастрофы, — оно может быть произведено лишь в социалистическом государстве, в интересах крестьян и рабочих, объединенных в коммунистические производственные единицы. Внедрение машин в производство всегда вызывало глубокие кризисы безработицы, которые изживались медленно лишь вследствие возрастания спроса на труд. В настоящее время условия на рынке труда подверглись решительному изменению. Безработица в сельском хозяйстве стала неразрешимой проблемой ввиду фактической невозможности эмиграции. Индустриализация же сельского хозяйства может произойти только с согласия беднейших крестьян, в условиях диктатуры пролетариата, воплощенной в Советах промышленных рабочих и беднейших крестьян.

Заводские рабочие и беднейшие крестьяне — таковы движущие силы пролетарской революции. Именно для них коммунизм представляет первостепенную необходимость, ибо его победа означает для них жизнь и свободу, а сохранение частной собственности — постоянную опасность быть раздавленными, потерять все, вплоть до жизни. Они представляют собой крепкую, как скала, несокрушимую силу, они воплощают в себе не ослабевающий революционный энтузиазм, железную решимость не довольствоваться компромиссами, неумолимо добиваться полной победы, не падая духом при временных и частичных неудачах, не слишком обольщаясь легкими успехами. Они — становой хребет революции, железные батальоны наступающей пролетарской армии, которая неудержимым натиском сметает все преграды на своем пути или разрушает их постепенно, настойчивой осадой, в которой участвуют бесчисленные людские массы, готовые на самоотверженные усилия и на безграничные жертвы. Коммунизм — это их цивилизация, историческая система, при которой они приобретут подлинную индивидуальность и достоинство, подлинную культуру и сами станут творцами прогресса и красоты.

Всякая революционная работа может рассчитывать на успех только в том случае, если она основана на требованиях, определяемых условиями жизни масс, уровнем их культуры. Лидеры пролетарского и социалистического движения должны понять это. Они должны также понять, сколь необходимо эту несокрушимую силу революции облечь в форму, соответствующую психологии масс.

В условиях довоенной отсталой капиталистической экономики было невозможно возникновение и развитие массовых крестьянских организаций, в которых труженики полей воспитывались бы в духе классовой борьбы и постоянной дисциплины, необходимой для переустройства государства после крушения капитализма.

Духовное обогащение масс, происшедшее в военные годы, и полезный для коммунистического движения опыт, накопленный за четыре года кровопролитной войны, проведенных солдатами бок о бок в грязных окопах, окажутся напрасными, если не удастся включить всех индивидуумов в органы новой коллективной жизни, в деятельности которых смогут быть закреплены завоевания, развит и

обогащен опыт и сознательно направлен на достижение конкретной исторической цели. Организованные таким образом крестьяне станут элементом порядка и прогресса. Предоставленные же самим себе, не имея возможности развить систематическую и организованную деятельность, они превратятся в беспорядочную разъяренную толпу, доведенную пелыханными, все более и более ужасными страданиями до крайнего ожесточения.

Для коммунистической революции прежде всего нужны организация и дисциплина. При данных объективных условиях итальянской жизни главными центрами революции будут промышленные города с их компактными, однородными массами фабрично-заводских рабочих. Поэтому необходимо обратить главное внимание на ту новую жизнь, которую новые формы классовой борьбы порождают на фабриках и заводах, непосредственно в сфере промышленного производства. Но сил одних фабрично-заводских рабочих недостаточно, чтобы революция смогла утвердиться прочно и повсеместно. Необходимо сплотить воедино город с деревней, создать в деревне организации беднейших крестьян, на которые социалистическое государство могло бы опереться при своем возникновении и развитии и при посредстве которых оно могло бы паладить внедрение машин и обеспечить грандиозный процесс преобразования сельского хозяйства. В Италии это дело менее трудное, чем думают. За время войны на городские предприятия пришли огромные массы деревенского населения. Коммунистическая пропаганда среди них очень скоро стала приносить свои плоды. Эти массы должны служить связующим звеном между городом и деревней, должны быть использованы для ведения повседневной пропаганды, которая рассеяла бы недоверие и обиды крестьян. Этих пришедших на заводы людей следует использовать, с тем чтобы, опираясь на их знание крестьянской психологии и на доверие, которое питает к ним деревня, начать работу по созданию и укреплению новых институтов, при помощи которых будут вовлечены в коммунистическое движение широкие массы работников полей.

Без подписи; «Ордине nuovo»,
2 августа 1919 года, № 12

ПРОЛЕТАРСКОЕ ЕДИНСТВО

В полемике о нынешней фазе развития революционного процесса и о степени зрелости, достигнутой капиталистической организацией в области развития орудий труда и производства, реформисты и оппортунисты (как, в сущности, анархо-синдикалисты) систематически избегают черпать сведения из того источника, который для коммунистов является наиболее богатым существенной и достоверной информацией, — от массы рабочих и крестьян. Это доказывает: 1) что реформисты и оппортунисты, несмотря на их претенциозно-научную фразеологию, далеко отошли от марксистского учения и представляют собой идеологических агентов капитала, проникших в область организованной борьбы рабочего класса, 2) что анархо-синдикалисты, несмотря на их претенциозно-революционную фразеологию, представляют собой в области рабочего движения безответственную клику политиканов, которые подменяют открыто действующую и контролируемую массами политическую партию рабочего класса бесконтрольной организацией масонского типа.

Для коммунистов, придерживающихся марксистского учения, масса рабочих и крестьян дает единственно подлинное и свободное от какого-либо искажения выражение исторического процесса развития капитала. Стихийные, неудержимые выступления масс трудящихся, получающие все более широкий размах, их идеологические позиции, по-новому характеризующие их различные слои, указывают точный смысл исторического развития, выявляют его дальнейший ход и формы, предвещают разложение и развал капиталистической организации общества. С точки зрения революционного септицизма или жалкой мелкобуржуазной морали эти выступления масс представляются то захватывающими, то смешными, то героическими, то варварскими; с точки же зрения марксистского учения их надо рассматривать как проявление исторической необходимости. Для коммунистов они имеют реальное значение в той мере, в какой они обнаруживают зарождение новой жизни масс, их способность и стремление к созданию новых институтов, исторически возникшую тенденцию к коренному обновлению человеческого общества. Для коммунистов они имеют значение в той мере, в какой они выявляют, что процесс развития

крупного промышленного производства создал условия, при которых рабочий класс осознает свою особую роль в истории, осознает возможность создания — путем улучшения организации и дисциплины своего труда — новой системы экономических и правовых отношений, основанных на особой функции, выполняемой в жизни человеческого общества рабочим классом.

Изолироваться от внутренней жизни класса трудящихся для коммунистов означает изолироваться от исторического процесса, неуклонно осуществляющегося помимо и вопреки воле отдельных лиц, помимо традиционных институтов и вопреки им. Реформисты определяют «курс» своей политической деятельности, исходя из официальных заявлений законных властей, из внешних, сугубо поверхностных установок традиционных институтов, из желаний буржуазных или профсоюзных «руководителей». Анархосиндикалисты делают ставку на шумные уличные демонстрации, искусственно вызванные ими же самими, воспламеняясь от вопля беспорядочных толп, настроение которых подогрето яростными речами уличных трибунов. И те и другие говорят о «подлинной» воле человеческих масс, однако и те и другие в равной мере обладают интуицией и диалектической способностью, присущей мулу с завязанными глазами.

По мнению же коммунистов, подлинная воля масс, исторически обусловленная революционная воля, осуществляется повседневно лишь тогда, когда рабочая масса организована в соответствии с техническими потребностями промышленного производства, когда каждый человек чувствует себя связанным со своими товарищами трудовыми, производственными функциями, когда рабочий класс находится под воздействием импульсов исторической необходимости, ощущаемых им в специфической сфере его деятельности. Воля масс претворяется в жизнь органически и постоянно именно тогда, когда ежедневно создается новая частица новой психологии рабочих, новой социальной организации, которая будет непрерывно развиваться, пока не превратится в Коммунистический Интернационал — верховный регулятор жизни всего мира.

Переживаемый нами исторический период является революционным, так как традиционные органы руководства массами, связанные со старыми способами производства и обмена, потеряли всякий исторический смысл и не вы-

полняют уже каких-либо полезных функций. Центр тяжести системы общественного устройства переместился: общественные учреждения теперь суцая видимость, форма, лишенная какого бы то ни было исторического содержания, какой бы то ни было воодушевляющей идеи. Буржуазия охраняет свои жизненные интересы уже не с помощью парламента, а непарламентским путем, рабочий класс ищет новых путей для создания органов своей власти вне профсоюза и находит их в фабрично-заводских Советах, в системе Советов. Парламент был органом, в котором концентрировались высшие политические интересы, определявшиеся конкурентной борьбой за прибыль, в которой сталкиваются отдельные индивидуумы, группы, прослойки. Так как такого рода конкурентной борьбы при империалистической фазе капитализма уже не существует, национальный парламент завершил свою историческую задачу; буржуазия самоуправляется при помощи банков и крупных капиталистических объединений, синтезирующих общие интересы всего класса; правительство прямо ориентируется на эти объединения и сводит свою деятельность к полицейским функциям, к поддержанию порядка на улицах и площадях.

Но захирели и разложились не только буржуазные институты, вступили в полосу кризиса и потеряли способность управлять массами также организации рабочего класса, возникшие в период развития капитализма и отражавшие отношение рабочего класса к этому процессу. Руководители рабочих организаций недовольны развертывающимися событиями, находят их бессмысленными и хаотическими, обвиняя то или иное конкретное лицо в том, что оно искусственно вызвало их. В действительности же оказалось, что руководство рабочим классом осуществляется теперь не в недрах профсоюзов, а на фабриках и заводах, на месте работы, и если рабочие еще не успели создать свой собственный орган власти, если еще в их среде недостает людей, способных трезво разобраться в хаосе мыслей и страстей, буруевающих трудящиеся массы, людей, способных найти выход из этого хаоса, то масса подпадает под руководство импровизированных вождей, какого-нибудь Мазаньелло*, мечущегося по улицам и

* *Мазаньелло* (сокращенное имя Томазо Аньелло; 1623—1647) — вождь народного восстания в Неаполе в 1647 году, направленного против испанского экономического и политического гнета. *Ред.*

площадям в поисках сильных эмоций и революционных авантюр.

Экономические отношения в капиталистическом обществе претерпели ряд изменений, организация аппарата производства и обмена подверглась глубокому преобразованию, вся правовая надстройка, выросшая на старой основе, разваливается и разрушается. И как это всегда бывает, люди, профессией которых является охрана существующего строя, буквально теряют рассудок и становятся глупо заносчивыми, когда кто-либо «осмеливается» оспаривать необходимость их функций или утверждать, что развитие промышленности убило их ремесло.

С каждым днем становится все более очевидным, в чем в данное время заключается задача политической партии рабочих, в чем состоит задача рабочего авангарда — социалистической партии. Задачей диктатуры пролетариата, рабочего государства является обеспечение условий развития тех институтов, которые трудящиеся массы создадут для руководства производственной деятельностью в собственных интересах, а также для целей самоуправления. Партия уже теперь осуществляет эту задачу внутри рабочего класса. Это является прообразом того, чем завтра будет рабочее государство. Партия сегодня обеспечивает необходимую свободу для того, чтобы рабочая масса обрела сама себя в своей специфической области, в области производства. Партия при помощи своей культурной и разъяснительной работы помогает рабочему классу уяснить себе его историческое положение, помогает рабочему классу найти конкретное и цельное выражение чувствам и стремлениям, рождающимся под влиянием настоятельной необходимости, в силу новых материальных условий существования людей. С каждым днем становится все более очевидной ошибка синдикалистов-теоретиков и синдикалистов-практиков, как реформистов, так и революционеров. Политическая партия, которая, по их мнению, должна была бы исчезнуть, поглощенная синдикалистским потоком, все более и более укрепляется, и рабочие со все большей отчетливостью видят в ней важнейшее орудие своего освобождения. Профсоюзы же переживают глубокий кризис, и им удастся выйти из него лишь потому, что в партии образовался рабочий авангард, который привносит в профсоюз влияние партии, который превращает профсоюз в более обширное поле для обсуж-

дения проблем, уже обсужденных, разъясненных и решенных партией.

Синдикализм добился только одного результата: умножил число партий рабочего класса. Это наличие многих политических партий и является главным (если не единственным) препятствием на пути пролетарского единства, создания «единого большого союза», включенного и в программу синдикализма.

Пролетарское единство существует на деле. Это доказывается тем, что каждое выступление, начавшееся в какой-либо местности или среди какой-либо категории рабочих, быстро распространяется во всех направлениях. Пролетарское единство существует потому, что существует единство капиталистическое. Оно является следствием нового этапа, в который вступила система экономических и политических отношений буржуазного общества. Нет лишь формального единства, единства организационного, так как существуют различные политические партии пролетариата.

С этой точки зрения проблема пролетарского единства должна интересовать всех революционеров, сознающих огромные трудности, которые пролетариат должен преодолеть, чтобы выполнить свою историческую миссию. Пролетарской революции необходимо, чтобы ситуация была ясной и четкой, чтобы ответственность была определенной, ибо рабочий класс должен быть поставлен в условия, позволяющие принимать решения без всяких промедлений. Синдикализм, как реформистский, так и революционный, породил замаскированные политические партии, политические партии по недоразумению. Узкие группы людей, став во главе рабочих союзов в качестве специалистов в области организации, специалистов в области того или иного метода борьбы, подчинили массы своим собственным политическим тенденциям, программам небольших групп, которые массы не в состоянии контролировать. Именно интересы этих узких группок, а подчас и отдельных лиц постоянно препятствовали осуществлению единства итальянского пролетариата.

Историческое развитие капитализма создало условия, при которых масса сама, своими методами и своей непосредственной деятельностью, может добиться единства. Созданное самими рабочими пролетарское единство является высшей стадией фактического единства, стадией,

на которой рабочие доказывают, что они приобрели сознание своего единства и хотят, чтобы оно было оформлено, получило санкцию.

Рабочий авангард, организованный в социалистическую партию, должен взять в свои руки решение этой проблемы. Отсюда ясно, что действенное решение может быть осуществлено только самой массой и только через фабрично-заводские Советы. Масса не позволит провести себя никакими посулами профсоюзных вождей, обещающих сотворить чудеса, если на практической работе Советов убедится в том, что нет различных методов классовой борьбы, что есть лишь один метод — метод, который сама масса в состоянии применить при помощи тех людей, кому она доверяет и кого она может отозвать в любой момент, когда она убедится, что специалисты в области организации производства — именно потому, что они техники, потому, что они специалисты, — не могут быть отзываемы и заменяемы и что если их нельзя отзывать и заменять, то их деятельность должна быть ограничена чисто административными функциями, у них не должно быть никакой политической власти. Вся политическая власть массы (право руководить движением, право вести массы к победе над капитализмом) должна принадлежать представительным органам самой массы, Совету и системе Советов, ответственным перед массой, состоящим из депутатов, которые могут быть отозваны в любой момент, состоящим из депутатов, которые — если они состоят не только в профсоюзной организации, но и в социалистической партии — контролируются также партией, подчиняющейся дисциплине, установленной съездами, в которых принимает участие революционный авангард всей нации.

Пролетарскому единству противятся оппортунисты всех мастей, защищающие интересы различных кланов, интересы материальные и особенно интересы политического господства над массами. Объединяясь, масса ничего не теряет и все выигрывает. Поэтому она одна в состоянии развить необходимую деятельность для достижения этой революционной цели.

*Без подписи: «Ордине nuovo»,
28 февраля — 6 марта 1920 года,
№ 39*

ЗА ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(Настоящий доклад был представлен состоявшейся в Милане сессии Национального совета социалистической партии представителями туринской городской секции и провинциальной Федерации партии и послужил основой для критики деятельности и направления руководства социалистической партии.)

1. Классовая борьба в Италии характеризуется в настоящее время тем, что промышленные и сельскохозяйственные рабочие страны преисполнены непреклонной решимости четко и определенно, не останавливаясь перед насилием, поставить вопрос о собственности на средства производства. Кризисы, возникающие как в национальном, так и в мировом масштабе и ведущие ко все большему обесценению денег, показывают, что капиталистическая система изжила себя: существующий способ производства и распределения уже не в силах удовлетворить даже самые элементарные потребности людей и сохраняется только потому, что его яростно защищает вооруженная сила буржуазного государства; вся борьба итальянских трудящихся неудержимо ведет к гигантскому перевороту в области экономики, в результате которого установится новый способ производства и распределения, а класс промышленных и сельскохозяйственных рабочих займет руководящее положение в области производства, вырвав руководство у капиталистов и землевладельцев.

2. Промышленники и землевладельцы добились максимальной концентрации своих классовых сил и связаны жесткой дисциплиной: любое требование Всеобщей конфедерации итальянских промышленников немедленно претворяется в жизнь на каждом отдельном предприятии. Буржуазное государство создало наемный вооруженный корпус *, призванный служить орудием, послушно выполняющим волю этой новой и мощной организации класса собственников, которая стремится путем широкого применения локаутов и террора восстановить свою власть на средства производства, все более усиливая эксплуатацию рабочих и крестьян путем значительного увеличения доли неоплачиваемого труда. Ярким примером, иллюстрирующим стремление промышленников поставить рабочий класс на колени, является недавний локаут ** на метал-

* Речь идет о «королевской гвардии». *Прим. итальянск. ред.*

** Имеется в виду локаут, объявленный турипскими промышленниками в связи с забастовкой металлистов в апреле 1920 года. *Ред.*

дургических заводах Турина: промышленники воспользовались отсутствием координации сил и революционной сплоченности в рядах итальянских рабочих, чтобы попытаться нанести сокрушительный удар туринскому пролетариату и подорвать среди рабочих престиж и влияние производственных организаций (фабрично-заводских Советов и цеховых уполномоченных), которые развернули борьбу за рабочий контроль.

Непрерывные забастовки сельскохозяйственных рабочих в провинции Новаре и в районе Ломеллина свидетельствуют о том, что землевладельцы намерены свернуть сельскохозяйственное производство, с тем чтобы довести сельскохозяйственный пролетариат до отчаяния и обречь его на голод, на самые тяжелые и унижительные условия труда и существования.

3. За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства.

4. Рабочим и крестьянам недостает согласованности действий и революционной сплоченности, так как руководящие органы социалистической партии показали абсолютное непонимание характера современного этапа развития итальянской и мировой истории, абсолютное непонимание роли, которую призваны сыграть боевые организации революционного пролетариата. Социалистическая партия выступает в роли простого наблюдателя происходящих событий, она никогда не выдвигает собственной точки зрения, которая основывалась бы на революционных установках марксизма и Коминтерна, она не выдвигает лозунгов, которые могли бы быть восприняты массами, дали бы общее направление революционным усилиям, сделали бы их конкретными и слили воедино. Как политическая организация авангарда рабочего класса,

социалистическая партия должна была бы развернуть всестороннюю и глубоко продуманную как в целом, так и в деталях деятельность, которая обеспечила бы рабочему классу возможность одержать победу в революции — и притом победу прочную. Социалистическая партия, охватывающая ту часть рабочего класса, которую физический и духовный гнет капиталистической системы не смог деморализовать и вынудить к полной пассивности, которая сумела сохранить свою самостоятельность и способность проявлять инициативу, основанную на сознательности и дисциплине, — эта партия должна была бы являться выразителем глубоко осознанных революционных устремлений всего эксплуатируемого класса. Задача партии состоит в том, чтобы стать центром притяжения для всех трудящихся масс, в том, чтобы ее директивы достигли всех трудящихся масс и чтобы прочно завоевать их доверие и таким образом стать вождем и мозгом этих масс. Поэтому партия всегда должна быть теснейшим образом связана с конкретной классовой борьбой, которую ведет промышленный и сельскохозяйственный пролетариат; должна понимать особенности различных этапов, различных моментов и проявлений этой борьбы, чтобы уметь находить во всем этом многообразии единый стержень, чтобы быть в состоянии давать общую, отвечающую конкретным условиям директиву всему движению в целом, а также внушить массам убеждение, что в существующем хаосе содержатся зародыши порядка, победа которого приведет к возрождению человеческого общества и к тому, что труд снова сможет обеспечивать элементарные потребности людей и служить источником прогресса. На деле же и после съезда в Болонье * социалистическая партия продолжала оставаться чисто парламентской партией, застывшей в тесных рамках буржуазной демократии, реагирующей лишь на внешние

---

* В 1919 году на съезде в Болонье социалистическая партия под давлением рабочих спизу включила в программу партии положение о диктатуре пролетариата и вынесла решение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Однако, когда Коминтерн потребовал предварительного изгнания из партии реформистов, центристское руководство партии отказалось выполнить это требование, подтвердив тем самым, что оно продолжало рассматривать ИСП как партию социальных реформ, а не как партию социальной революции. *Ред.*

проявления политики правящей касты; она не имела своего лица, она не приобрела качеств, присущих партии революционного пролетариата, и только такой партии.

5. После съезда в Болонье центральные органы партии должны были бы немедленно развернуть и довести до конца энергичную работу, направленную на то, чтобы сделать партию однородным и монолитным революционным отрядом, чтобы выработать в ней черты, которые отличают коммунистические партии, входящие в III Интернационал. Однако полемика с реформистами и оппортунистами даже не была начата: ни руководство партии, ни газета «Аванти!» не противопоставили той непрекращающейся пропаганде, которую реформисты и оппортунисты проводили в парламенте и в профсоюзах, собственной революционной точки зрения. Центральные органы партии ничего не сделали для политического воспитания масс в коммунистическом духе, для того, чтобы побудить массы отстранить реформистов и оппортунистов от руководства профсоюзами и кооперативами, чтобы дать отдельным секциям и наиболее активным группам членов партии единое направление и тактику. Поэтому в то время, как революционное большинство партии не имело в руководстве партии и в газете представителей, которые выражали бы его мнение и выполняли бы его волю, оппортунисты, наоборот, укрепились организационно и использовали престиж и влияние партии для упрочения своих позиций в парламенте и профсоюзах. Руководство партии позволило им сплотиться и голосовать за резолюции, которые противоречили принципам и тактике III Интернационала и расходились с линией партии; руководство партии предоставило нижестоящим органам полную свободу проводить деятельность и распространять взгляды, противоречащие принципам и тактике III Интернационала; руководство партии неизменно стояло в стороне от жизни и деятельности секций и организаций, а также отдельных членов партии. Неразбериха, существовавшая в партии до съезда в Болонье и оправдываемая тогда условиями военного времени, не только не кончилась, но резко усилилась; естественно, что все это не могло не подорвать доверия к партии широких масс, и во многих местах создалась угроза того, что возобладают анархистские тенденции. Политическая партия рабочего класса

имеет право на существование только в том случае, если она, объединяя и тщательно координируя усилия пролетариата, противопоставляет фактическую революционную власть легальной власти буржуазного государства и ограничивает его свободу инициативы и маневрирования; если же партия не объединяет и не координирует усилий, если партия является чисто бюрократической организацией, безжизненной и безвольной, в рабочем классе инстинктивно возникает стремление создать новую партию, он подпадает в известной мере под влияние анархизма, который беспрестанно критикует централизм и бюрократизацию аппарата политических партий.

6. Партия стояла и стоит в стороне от международного движения. Классовая борьба принимает во всех странах мира грандиозный размах; пролетариат вынужден повсюду вырабатывать новые методы борьбы и нередко — как например в Германии после милитаристского путча — подыматься на вооруженную борьбу. Партия не заботится о том, чтобы разъяснить итальянским трудящимся смысл этих событий на основе анализа и оценки, даваемых Коммунистическим Интернационалом, не проводит воспитательной работы, направленной на то, чтобы итальянские трудящиеся осознали ту истину, что пролетарская революция носит всемирный характер и что каждое отдельное событие должно рассматриваться и оцениваться с точки зрения его международного значения. Уже дважды в Западной Европе собирались конференции II Интернационала — в декабре 1919 года в одном из городов Германии и в феврале 1920 года в Амстердаме; итальянская партия не только не была представлена ни на одной из них, но члены партии не были даже информированы центральными органами о том, какие вопросы обсуждались и какие решения были приняты на этих конференциях. Что касается III Интернационала, то в нем ведется горячая полемика по вопросам программных установок и тактики Коммунистического Интернационала; дело дошло даже до раскола в отдельных партиях (например, в Германии). Итальянская партия стоит в стороне от этой плодотворной идеологической дискуссии, в которой закаляется революционное сознание и выковываются духовное единство и единство действий пролетариата всех стран. Центральный орган партии не имеет собственных корреспондентов ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии, ни даже в Швей-

царии. В поистине странном положении находится газета социалистической партии, которая представляет в Италии интересы международного пролетариата, и в не менее странное положение поставлен рабочий класс Италии, вынужденный черпать информацию из отрывочных и тенденциозных сообщений буржуазных агентств и газет! «Аванти!» как орган партии должна бы быть органом III Интернационала; на страницах «Аванти!» должны были бы найти отражение все события, все дискуссии, все проблемы пролетариата, за которыми с интересом следит III Интернационал; на страницах «Аванти!» следовало бы вести, в духе принципов единства, непрестанную борьбу против всех уклонов и оппортунистических компромиссов. На деле же «Аванти!» предоставляет на своих страницах место для оппортунистических проповедей, таких, например, как недавнее выступление в парламенте Тревеса *, с мелкобуржуазных позиций толковавшего международные отношения и развивавшего контрреволюционные и пораженческие взгляды по вопросу о силах пролетариата.

Полное игнорирование центральными органами партии необходимости информировать пролетариат о событиях и теоретических дискуссиях, происходящих в III Интернационале, проявляется также в деятельности книжного издательства партии: издательство продолжает выпускать не представляющие никакой ценности брошюры и статьи, пропагандирующие установки и взгляды II Интернационала, и пренебрегает изданиями III Интернационала. Работы русских товарищей, без которых невозможно понять особенностей большевистской революции, переведены в Швейцарии, Англии и Германии, но в Италии не известны. Достаточно назвать такую работу Ленина, как «Государство и революция». И, наконец, то, что переведено, переведено настолько скверно, что зачастую мысль становится совершенно непонятной вследствие искажения смысла и грамматических ошибок.

---

* Произнесенная в палате депутатов 31 марта 1920 года «искусительная» речь Клаудио Тревеса. Основная ее мысль заключалась в том, что буржуазия больше не в состоянии осуществлять власть, а рабочий класс еще не в силах ее завоевать; в этом и состоит, утверждал Тревес, трагедия господствующих классов, призванных «искупить свою вину». *Прим. итальянск. ред.*

7. Из предшествующего анализа вытекает, в чем должна заключаться работа по обновлению и организационному укреплению партии, которую мы считаем необходимым осуществить. Партия должна приобрести свой определенный облик, отличающий ее от других партий, — она должна превратиться из мелкобуржуазной парламентской партии в партию революционного пролетариата, борющуюся за построение коммунистического общества, посредством рабочего государства, в партию однородную, монолитную, имеющую свою теорию, свою тактику, в партию, поддерживающую жесткую и суровую дисциплину. Всякий, кто не является революционером-коммунистом, должен быть изгнан из партии и из ее руководства, которому тогда уже не нужно будет заботиться о сохранении единства и поддержании равновесия между различными течениями и лидерами и которое должно будет обратить всю свою энергию на то, чтобы создать боевую рабочую организацию. Каждое событие в жизни итальянского и международного пролетариата должно немедленно комментироваться в обращениях и директивах руководства партии, чтобы они могли быть использованы для пропаганды коммунистических идей и для воспитания революционного сознания масс. Руководство должно поддерживать постоянную связь с секциями партии, должно направлять всю деятельность пролетариата во всех ее формах. Секции должны способствовать созданию коммунистических групп на всех предприятиях, в профсоюзах, кооперативах, воинских частях. Задача этих групп состоит в том, чтобы неустанно пропагандировать среди масс программные установки и тактику партии, обеспечить создание фабрично-заводских Советов для осуществления контроля над промышленным и сельскохозяйственным производством; эти коммунистические группы должны вести пропаганду, необходимую для того, чтобы прочно завоевать профсоюзы, палаты труда и Всеобщую конфедерацию труда и добиться доверия масс, которые облечат их полномочиями для создания органов политической власти — Советов — и для осуществления диктатуры пролетариата. Наличие монолитной и подчиняющейся строгой дисциплине коммунистической партии, центральный исполнительный комитет которой, действуя через группы членов партии на промышленных предприятиях, в профсоюзах и кооперативах, направляет и координирует всю

революционную деятельность пролетариата, является основным и необходимым условием для того, чтобы предпринять какую-либо попытку создать Советскую власть; при отсутствии этого условия все попытки создать Советскую власть необходимо отвергнуть как абсурдные и выгодные лишь тем, кто стремится опорочить идею Советов. Следует также отвергнуть и предложение создать нечто вроде маленького социалистического парламента*, который быстро превратился бы в орудие реформистского и оппортунистического большинства парламентской фракции, в орудие распространения демократических утопий и контрреволюционных проектов.

8. Руководство партии должно немедленно разработать и проагандировать программу социалистической партии, определяющую задачи революционного правительства, в которой будет указано, каким образом пролетариат намерен, когда он станет господствующим классом, разрешить все важнейшие экономические, политические, религиозные проблемы, проблемы образования и другие проблемы, волнующие различные слои трудящихся Италии. Исходя из установки, что источником силы и опорой партии в ее деятельности является класс промышленных и сельскохозяйственных рабочих, не имеющих никакой частной собственности, и что другие слои трудящихся являются союзниками этого истинно пролетарского класса, партия должна выступить с обращением, в котором ясно ставился бы вопрос о революционном завоевании политической власти, содержался бы призыв к промышленному и сельскохозяйственному пролетариату быть в состоянии боевой готовности и вооружаться, намечались бы мероприятия, которые, по мнению коммунистов, должны положить начало решению насущных проблем: рабочий контроль над производством и распределением, разоружение наемных вооруженных отрядов, контроль рабочих организаций над местными органами власти.

---

* Речь идет о предложении созвать ассамблею (а не Руководство или Национальный совет партии) из депутатов и сенаторов — социалистов, а также из представителей крупнейших политических, профсоюзных и кооперативных организаций для выработки законопроектов и для оказания давления на правительство. В такого рода ассамблее реформисты оказались бы в большинстве.
Прим. итальянск. ред.

9. Исходя из вышеизложенных положений, туринская секция социалистической партии поставила перед собой цель достигнуть соглашения со всеми группами, которые будут созданы во всех секциях для обсуждения и одобрения этих положений. Это соглашение должно сопровождаться организационными мероприятиями, которые позволили бы подготовить в кратчайший срок созыв партийного съезда для обсуждения вопросов тактики и организации пролетариата, а до созыва съезда — контролировать деятельность исполнительных органов партии.

Без подписи: «Ордине нуово»,
8 мая 1920 года, № 1

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

I

После Сореля * стало модным ссылаться на примитивные христианские общины всякий раз, когда хотят дать представление о современном пролетарском движении. Однако следует тотчас же сказать, что Сорель ни в какой мере не повинен в узости кругозора и умственном убожестве его итальянских почитателей, как Карл Маркс не ответственен за абсурдную идеологическую претенциозность «марксистов». Сорель — «изобретатель» в области исторических исследований, ему нельзя подражать, он не предлагает тем, кто хотел бы быть его учеником, какого-то универсального метода, который всегда и ко всему может применяться механически и давать блестящие результаты. Для Сореля, как и для марксистского учения, утверждение христианства представляет собой революцию в области идеологии, достигшую полного развития, то есть революцию, дошедшую до крайних пределов, до

---

* Сорель, Жорж (1847—1922) — французский социолог, теоретик анархо-синдикализма, пытавшийся эклектически сочетать марксизм с прудонизмом. Он отрицал необходимость пролетарской партии и диктатуры пролетариата и проповедовал возможность завоевания рабочим классом власти посредством всеобщей экономической стачки. В своих философских воззрениях Сорель стоял на позициях иррационализма и волюнтаризма. *Ред.*

создания новой и оригинальной системы моральных, правовых, философских, эстетических отношений. Принять эти выводы как идеологическую схему *всякой* революции — это и есть грубое и неумное отступление от интуитивной исторической концепции Сореля, которая позволяет лишь положить начало серии исторических изысканий о «зародышах» пролетарской цивилизации, которые *должны* существовать, если верно (как полагал Сорель), что пролетарская революция внутренне присуща современному промышленному обществу, и если верно, что из нее возникнут нормы новой жизни и система совершенно новых отношений, характерных для революционного класса. Следовательно, какое же значение может иметь утверждение, что в отличие от первых христиан рабочие не являются целомудренными, воздержанными, самобытными в их образе жизни? Даже если отбросить в сторону дилетантское обобщение, в силу которого «туринские рабочие-металлисты» — сборище тупых существ, ежедневно поедающих по жареной курице, еженощно напивающихся в публичных домах, не любящих семью, ищущих удовлетворения своих идеалов красоты и нравственности в кинематографах и в обезьяньем перенимании буржуазных привычек, повторяю, даже если отбросить это дилетантское и детское обобщение, то и тогда приведенное выше утверждение отнюдь не может служить основанием для суждений об исторических процессах. По степени понимания исторического процесса оно равнялось бы следующему суждению: современные христиане едят кур, развратничают, пьянствуют, лжесвидетельствуют, не соблюдают супружеской верности и т. д. и т. д.; поэтому всякие уверения в том, что существовали аскеты, мученики, святые, являются выдумкой. Иными словами, всякое историческое событие нужно изучать в его особых проявлениях, в рамках реальной действительности, как развитие *свободы*, проявляющееся в целях, в учреждениях и формах, которые совершенно невозможно смешивать и сравнивать (кроме как метафорически) с целями, учреждениями и формами исторических явлений прошлого. Любая революция, будь то христианская или коммунистическая, которая совершается и может совершаться лишь путем приведения народных масс в движение, распространяющееся вглубь и вширь, может только сломать и разрушить всякую существующую систему общественной

организации. Кто может представить себе непосредственные последствия, которые вызовет участие в разрушительной деятельности и историческом творчестве бесчисленных масс, сейчас не имеющих ни воли, ни власти? Эти массы, никогда не имевшие «воли и власти», захотят увидеть в каждом общественном и частном действии воплощение своей воли и завоеванной ими власти. Они будут считать, что все существующее втайне враждебно им, и захотят разрушить его до основания. Но именно ввиду необъятности революции, ввиду невозможности предвидеть ее развитие и характерной для нее безграничной свободы, кто может высказать категорическое суждение относительно чувств, страстей, инициативы и добродетелей, которые выкуются в такой раскаленной кузнице? Какие изменения претерпит независимо от нашей воли и силы нашего характера все, что сейчас существует и что сегодня мы наблюдаем? Разве не будет революцией каждый день такой интенсивной жизни? Разве не будет иметь творческих результатов, которые невозможно даже себе представить, всякое изменение, которое произойдет в сознании отдельного индивидуума, поскольку оно одновременно распространится на всю народную массу?

В области моральной жизни и чувств ничего нельзя предвидеть исходя из того, что имеется сегодня, в данный момент. Только одно чувство, ставшее сейчас постоянным, характерным для рабочего класса, мы можем отметить уже теперь; это чувство — солидарность. Но интенсивность и сила этого чувства, поддерживающего волю к сопротивлению и готовность идти на жертвы, могут быть рассчитаны только на такой период времени, на какой и народные массы, при их слабой способности к историческому предвидению, могут угадывать хотя бы приблизительно ход событий. Следовательно, нельзя рассчитывать на то, что интенсивность и сила солидарности будут служить поддержкой воли к историческому творчеству на протяжении всего периода революции и создания основ нового общества, когда нельзя будет с точностью определить, сколько времени нужно будет бороться и идти на жертвы, потому что враг, с которым придется сражаться и которого надо победить, не будет больше вне пролетариата, не будет больше внешней физической силой, ограниченной и контролируемой, но бу-

дет находиться в самом пролетариате, в его невежестве, в его лени, в его неповоротливости и неспособности к быстрой интуиции, когда диалектика классовой борьбы будет загнана внутрь индивидуума и в каждом проявлении своего сознания, при каждом своем действии новому человеку придется бороться против «буржуа», засевавшего в засаде. Поэтому рабочий профсоюз — организация, осуществляющая пролетарскую солидарность и придающая ей организованный характер, — не может быть отправным моментом и источником при определении черт будущей цивилизации. В нем нет элементов, необходимых для развития свободы; ему самому суждено претерпеть изменения в результате общего развития: он является определяемым, а не определяющим.

В своей настоящей фазе пролетарское движение направлено на осуществление революции в области организации материальных вещей и сил. Его характерными чертами не могут быть чувства и настроения масс, поддерживающие их волю. Характерные черты пролетарской революции можно искать лишь в партии рабочего класса, в коммунистической партии, которая существует и развивается, будучи дисциплинированной организацией, стремящейся к созданию государства, стремящейся по-пролетарски организовать имеющиеся материальные силы и заложить основы народных свобод.

Коммунистическая партия в настоящий момент — единственный институт, который можно всерьез сравнивать с религиозными общинами времен первоначального христианства. В тех пределах, в которых коммунистическая партия уже существует в международном масштабе, можно попытаться провести сравнение и сделать ряд выводов в плане этого сравнения между борцами за град божий и борцами за счастье человека. Коммунист, конечно, не ниже христианина времен катакомб. Наоборот! Возвышенно-абстрактная цель, которую христианство ставило перед своими приверженцами, являлась благодаря своей таинственной привлекательности как бы вознаграждением за героизм, мученичество, подвижничество. Чтобы вызвать настроение жертвенности у того, кто верит в небесную награду и вечное блаженство, нет необходимости, чтобы он обладал большой силой воли и характера. Рабочий-коммунист, который неделями, месяцами, годами, проработав восемь часов в день на фабри-

ке, безвозмездно работает вторые восемь часов для партии, профсоюзов, кооператива, заслуживает с точки зрения истории более высокой оценки, чем раб или ремесленник, пренебрегавший всяческими опасностями, чтобы пойти на тайное собрание для молитвы. Точно так же Роза Люксембург и Карл Либкнехт являются более великими, чем величайшие из христианских святых. Именно потому, что цель их подвига конкретна, человеческа, ограничена, борцы рабочего класса более велики, чем борцы за веру господню: моральные силы, их поддерживающие, тем более безграничны, чем определенная цель, поставленная перед их волей. Какую громадную силу приобретут чувства рабочего, (который, согнувшись над машиной, в течение восьми часов ежедневно повторяет один и тот же жест, монотонный, как перебирание четок), когда он станет «властелином», когда он станет мерилем социальных ценностей? Разве не является чудом один только факт, что рабочему удастся еще и мыслить, хотя он вынужден работать, не зная как и почему он работает? Это чудо, заключающееся в том, что рабочий ежедневно вновь завоевывает свое право на самостоятельную духовную жизнь и свободу теоретического творчества, борясь против усталости, скуки, монотонности движений, приводящих к механистичности и, следовательно, убивающих внутреннюю жизнь,— это чудо воплощается в коммунистической партии, в воле к борьбе и революционному творчеству, находящей свое выражение в коммунистической партии.

На предприятии рабочий осуществляет исключительно исполнительские функции. Он не следит за общим ходом работы и производства; он не является точкой, которая движется и образует линию; он — булавка, которую втыкают в определенное место, и линия получается из ряда точек, размещенных чужой волей в своих целях. Эту свою форму бытия рабочий стремится перенести во все сферы своей жизни; повсюду он легко приспосабливается к роли материального исполнителя, к роли «массы», подчиняющейся чужой воле; он ленив в умственном отношении, не умеет и не хочет видеть дальше своего носа, поэтому он лишен всякого критерия в выборе своих руководителей и легко дает себя обмануть обещаниями; он расположен верить, что может добиться цели без больших усилий со своей стороны и без особого умственного напряжения.

Коммунистическая партия является орудием и формой исторического процесса внутреннего освобождения, в результате которого рабочий превращается из *исполнителя* в *инициатора*, из *массы* в *вождя* и *руководителя*, из руки становится мозгом и волей; в образовании коммунистической партии можно видеть зародыш той свободы, которая получит самое широкое развитие и распространение, когда рабочее государство создаст необходимые для этого материальные условия. Раб или ремесленник классического мира «познавал самого себя», осуществлял свое освобождение, вступая в христианскую общину, где конкретно чувствовал себя равным, братом, так как являлся сыном одного и того же отца; так же чувствует себя и рабочий, вступая в коммунистическую партию, где он работает вместе с другими над «открытием» и «изобретением» нового образа жизни, где «добровольно» участвует в деятельности всего мира, где мыслит, предвидит, несет ответственность, где он не только организуемый, но и организатор, где он сознает, что составляет авангард, увлекающий за собой всю народную массу.

Коммунистическая партия даже просто как организация явилась особой формой пролетарской революции. Ни одна революция прошлого не знала партий; они возникли после буржуазной революции и разложились на почве парламентской демократии. И в этой области также оправдывается марксистская идея, что капитализм создает силы, с которыми ему потом не удастся справиться. Демократические партии служили для того, чтобы выявлять ценных политических деятелей и приносить им победу в обстановке политической конкуренции; теперь правители павязываются банками, крупными газетами, ассоциациями промышленников; партии разложились на множество клик, группирующихся вокруг отдельных лиц. Коммунистическая партия, возникая из пепла социалистических партий, отвергает все, что связано с ее буржуазно-демократическим и парламентским происхождением, и выявляет свои существенные черты, небывалые в истории: русская революция — революция, совершенная людьми, организованными в коммунистическую партию, людьми, которые преобразились в рядах партии, приобрели новые чувства, создали новую мораль; эта мораль приобретает всеобщий характер и становится идеалом для всех людей.

Политические партии страны являются отражением существующих в ней классов.

Партии возникают, развиваются, распадаются и обновляются в соответствии с теми сдвигами реально-исторического значения, которые происходят в различных слоях борющихся социальных классов в соответствии с коренными изменениями условий их существования и развития и с ростом их самосознания, понимая ими своих жизненных интересов. Для текущего исторического периода стали характерны (в результате империалистической войны, глубоко изменившей структуру национального и международного аппарата производства и обмена) быстрые темпы распада традиционных политических партий, родившихся на почве парламентской демократии, и возникновение новых политических организаций; этот общий процесс имеет свою внутреннюю неумолимую логику, обусловленную расслоением старых классов и сословий, а также головокружительными переменами в положении целых слоев населения на всей территории отдельного государства, а часто и на всей территории, находящейся под властью капитала.

Даже наиболее пассивные в историческом отношении социальные классы, у которых поздно начался процесс дифференциации, как например крестьянство, не остаются незатронутыми мощным воздействием сил, разлагающих общественный организм; можно даже сказать, что чем более пассивными и отсталыми были эти классы в прошлом, тем сильнее они стремятся сегодня к крайним — с точки зрения диалектики классовой борьбы — результатам: к гражданской войне и ломке экономических отношений. За какие-нибудь два года мы видели, как, казалось бы, из ничего в Италии возникла сильная партия крестьянства — «народная партия», которая в момент своего рождения претендовала на то, чтобы представлять экономические интересы и политические чаяния всех социальных слоев деревни — от барона-латифундиста до среднего землевладельца, от мелкого собственника до арендатора, от испольщика до крестьянина-бедняка. Мы видели, что в избирательных списках «народной партии», завоевавшей в парламенте почти сто мест, абсолютное большинство составляли представители баронов-латифун-

дистов, крупных лесовладельцев, крупных и средних землевладельцев, то есть представители незначительного меньшинства сельского населения. Мы видели, как в «народной партии» быстро возникла и очень скоро приняла крайне напряженный характер внутренняя борьба между различными течениями, отражавшая дифференциацию массы ее избирателей; широкие массы мелких землевладельцев и бедняков больше не хотели быть пассивной толпой, которую используют в интересах средних и крупных собственников; под их энергичным нажимом «народная партия» раскололась на правое крыло, центр и левых; и мы видели, как под давлением бедняков крайнее левое крыло «народной партии» начало рядиться в революционные одежды и конкурировать с социалистической партией, которая также превратилась в представительницу широчайших крестьянских масс. Теперь мы видим распад «народной партии», парламентская фракция и Центральный комитет которой уже не отражают интересов и самосознания масс избирателей, а также трудящихся, организованных в белые [католические] профсоюзы; теперь представителями этих сил стали экстремисты, которые не хотят утратить контроль над этими массами и, будучи не в состоянии обманывать их посредством легальной деятельности в парламенте, склонны прибегать к насилию и требовать создания новых государственных политических учреждений. Тот же процесс быстрой организации и очень быстрого распада имел место в другом политическом течении, претендовавшем на то, чтобы представлять интересы крестьян,— в Союзе бывших фронтовиков; этот процесс является отражением грозного внутреннего кризиса, потрясающего итальянскую деревню и проявляющегося в гигантских забастовках в Северной и Центральной Италии, в захвате и разделе латифундий Апулии, в нападениях на феодальные замки и в появлении в городах Сицилии сотен и тысяч вооруженных крестьян.

Это глубокое брожение в крестьянских массах потрясает до основания здание парламентарно-демократического государства. Капитализм как политическую силу представляют сегодня лишь ассоциации промышленников; у него уже нет политической партии, идеология которой была бы приемлема и для мелкобуржуазных слоев города и деревни, что позволяло бы сохранять законное госу-

дарство на широкой основе. Капитализм оказывается пизвешпным до того, что он имеет политическое представительство только в крупных газетах (тираж 400 тысяч, по всего тысяча избирателей) и в сенате, на который вследствие самой его природы не оказывают влияния действия широких народных масс, но который лишен авторитета и престижа в стране; поэтому политическая сила капитализма постепенно все более сливается с высшей военной иерархией, с королевской гвардией, с разного рода авантюристами, которые кишмя кишат всюду после перемирия и стремятся — каждый в борьбе против всех остальных — сделаться итальянскими корниловыми или бонапартами. Поэтому политическая сила капитализма может проявить себя сегодня лишь в военном государственном перевороте и попытке установить железную националистическую диктатуру, которая заставит одуроченные массы итальянцев восстанавливать экономику путем вооруженного грабежа соседних стран.

Поскольку буржуазия исчерпала себя и одряхлела как руководящий класс в силу того, что капитализм исчерпал себя как способ производства и обмена, поскольку крестьянство не представляет собой однородной политической силы, способной создать государство, рабочему классу по воле неотвратимой исторической необходимости предстоит взять на себя роль руководящего класса.

Только пролетариат способен создать сильное и грозное государство, ибо он имеет программу экономической перестройки — коммунизм, необходимые предпосылки и условия осуществления которого уже созрели при том уровне развития, которого достиг капитализм в период империалистической войны 1914—1918 годов; только пролетариат может, создав новый орган государственного права, систему Советов, дать определенное направление бурлящим силам народных масс и вновь наладить нормальную деятельность производственного аппарата страны, претерпевшего катастрофическое потрясение. Естественно и исторически оправдано, что именно в такой период, как переживаемый нами сейчас, ставится проблема образования коммунистической партии, олицетворяющей пролетарский авангард, обладающей ясным сознанием своей исторической миссии, партии, которая создаст новый порядок и явится инициатором и главной

движущей силой нового, совершенно своеобразного исторического периода.

Даже традиционная политическая партия итальянского рабочего класса — социалистическая партия — не избежала процесса распада всех организационных форм, характерного для переживаемого нами периода. Колоссальной исторической ошибкой людей, которые с начала мировой войны до сегодняшнего дня стояли во главе руководства нашей организации, была их уверенность в том, что они могут спасти старую структуру партии от внутреннего разложения. В действительности традиции партии, исторические корни различных образующих ее течений, ее открытый или молчаливый союз с Всеобщей конфедерацией труда (союз, который на всех партийных съездах, совещаниях и собраниях дает профсоюзным деятелям незаслуженную им власть и влияние), неограниченная автономия, предоставленная парламентской группе (и дающая депутатам на важнейших партийных съездах, совещаниях и собраниях власть и влияние, подобные власти и влиянию профсоюзных деятелей и столь же незаслуженные), — все это ставит Итальянскую социалистическую партию в один ряд с английской лейбористской партией, в силу всего этого она является революционной лишь в своих общих программных декларациях.

Она представляет собой конгломерат партий, действует вяло и медлительно — и не может действовать иначе, — то и дело становится легкой добычей авантюристов, карьеристов, честолюбцев, несерьезно относящихся к политике и неспособных к политической деятельности; вследствие разнородности своего состава, вследствие непрерывных трений между отдельными частями ее механизма, изнашивающимися и приводимыми в негодность в результате действий лидеров партии — ее слуг, превратившихся в ее господ, она не в состоянии взять на себя тяжелое бремя ответственности за революционный почин и революционные действия, которых непрестанно и настоятельно требуют от нее развивающиеся события. Этим объясняется тот исторический парадокс, что в Италии не партия рабочего класса ведет за собой и воспитывает массы, а массы подталкивают и «воспитывают» партию.

Социалистическая партия утверждает, что она является носителем марксистского учения; в таком случае

это учение должно было бы служить для нее компасом, помогающим ей ориентироваться в сложных событиях; в таком случае она должна была бы обладать той способностью исторического предвидения, которая отличает мыслящих приверженцев марксистской диалектики; должна была бы иметь общий план действий, основанный на этом историческом предвидении, и быть в состоянии давать борющемуся рабочему классу ясные и четкие лозунги. Между тем социалистическая партия, партия, объявлявшая себя посылательницей марксизма в Италии, подвергается, подобно партии наиболее отсталых классов итальянского населения — «народной партии», — самым разнообразным влияниям со стороны масс и действует и дифференцируется только тогда, когда уже приходят в движение и дифференцируются массы. Эта социалистическая партия, провозглашающая себя вождем и учителем масс, в действительности представляет собой лишь жалкого портариуса, регистрирующего стихийные действия масс; эта жалкая социалистическая партия, провозглашающая себя вождем рабочего класса, представляет собой не что иное, как *обоз* пролетарской армии.

Если это странное поведение социалистической партии и это противоестественное положение политической партии рабочего класса до сих пор еще не вызвали катастрофы, то причина этого кроется в том, что среди рабочего класса, в городских секциях партии, в профсоюзах, на предприятиях, в деревнях существуют уже энергичные группы коммунистов, сознающих свою историческую роль, энергичных и предусмотрительных в своих действиях, способных вести и воспитывать местные пролетарские массы; дело в том, что в недрах социалистической партии потенциально уже существует коммунистическая партия, которой не хватает только четкой организации, централизации и своей собственной дисциплины, для того чтобы она могла быстро развиваться, возродить и обновить первоначальную структуру партии рабочего класса, дать новое направление деятельности Всесоюзной конфедерации труда и кооперативному движению.

Неотложной проблемой текущего периода, сменившего период борьбы рабочих металлургических предприятий и предшествующего съезду, на котором партия должна будет занять серьезно продуманную и совершенно определенную позицию по отношению к Коммунистическому

Интернационалу, является именно проблема организации и централизации этих уже существующих и действующих коммунистических сил. Социалистическая партия с каждым днем разлагается с неимоверной быстротой и приходит в упадок; за весьма короткий промежуток времени ее течения приобрели уже новые черты; перед лицом исторической ответственности и обязательств, принятых при вступлении в Коммунистический Интернационал, люди и группы в партии пришли в замешательство и стали менять свои позиции; двусмысленная центристская и оппортунистическая позиция пашла себе сторонников среди части руководства партии, посеяла тревогу и замешательство в партийных секциях. Среди этой всеобщей беспринципности, безверия, безволия, среди этого бушующего моря лизости, подлости, пораженчества долг коммунистов — сплотиться в сильные группы, объединиться, быть готовыми к осуществлению лозунгов, которые будут даны. На основе тезисов, одобренных II конгрессом III Интернационала, на основе лояльной дисциплины, обязывающей коммунистов подчиняться высшему авторитету мирового рабочего движения, искренние и бескорыстные коммунисты должны развернуть необходимую работу, чтобы в возможно кратчайший срок была создана коммунистическая фракция Итальянской социалистической партии, которая должна для спасения чести итальянского пролетариата стать на съезде во Флоренции* поминально и фактически Коммунистической партией Италии — секцией Коммунистического Интернационала. Коммунисты должны проделать эту работу для того, чтобы коммунистическая фракция оформилась как партия, со стройным и строго централизованным руководящим аппаратом, с собственными дисциплинированными группами всюду, где работает, объединяется и борется рабочий класс, с целым комплексом средств для осуществления контроля, действий и пропаганды, которые дадут ей возможность отныне функционировать и развиваться как партии в полном смысле слова.

Коммунисты, которые в период борьбы рабочих металлургических предприятий благодаря своей энергии и ипи-

* Место созыва съезда было впоследствии перенесено в Ливорно по соображениям безопасности: во Флоренции уже свирепствовали фашисты, тогда как в Ливорно трудящиеся были еще хозяевами положения. *Прим. итальянск. ред.*

пятиве спасли рабочий класс от катастрофы, должны быть последовательными до конца в своих действиях и в своей позиции. Они должны спасти (путем перестройки) первоначальную структуру партии рабочего класса и дать итальянскому пролетариату коммунистическую партию, способную организовать рабочее государство и создать условия для построения коммунистического общества.

*Без подписи: «Ордине нуово»,
4 сентября 1920 года, № 15, и
9 октября 1920 года, № 17*

*Печатается по тексту книги:
Антонио Грамши, Избранные произведения, т. 1. «Ордине нуово»
(1919—1920), Издательство иностранной литературы, 1957,
стр 22—28, 33—39, 44—49, 133—
139, 157—165, 203—214*

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИКИ

Нужно подчеркнуть, что чаще всего предаются забвению как раз основные элементы, самые простые понятия, присущие политике; с другой стороны, повторяясь бесконечное число раз, они становятся опорой политики того, кто является необходимым для коллективного действия.

Первый элемент состоит в том, что действительно существуют правители и управляемые, руководители и руководимые. Все искусство и вся наука политики построены на этом первичном факте, от которого пикуда не уйдешь (при известных общих условиях). Вопрос о его происхождении составляет самостоятельную проблему, требующую отдельного изучения (по крайней мере можно и нужно будет изучить эту проблему с целью выяснения, каким образом можно свести до минимума масштабы этого явления и даже полностью изжить его, изменяя некоторые идентичные условия, обпаруживающие свое воздействие в этом направлении). Но факт остается фактом: существуют руководители и руководимые, правители и управляемые. Исходя из существования этого факта, следует рассмотреть, каким образом можно осуществить наиболее эффективное руководство (при определенных целях), и в связи с этим — как можно наилучшим образом подготовить руководителей (в этом, точнее говоря, и состоит первая задача политики как науки и как искусства). С другой стороны, следует рассмотреть, как находить пути наименьшего сопротивления, то есть наиболее рациональные пути, обеспечивающие повиновение руководимых, или управляемых.

Основная предпосылка при подготовке руководителей заключается в следующем: желают ли, чтобы всегда существовали правители и управляемые, или же стремятся создать такие условия, при которых исчезнет необходимость в существовании этого разделения? Иными словами, исходят ли из предпосылки, что человечество вечно будет разделено, или же считают, что это деление является только преходящим историческим явлением, связанным с определенными условиями? Необходимо тем не менее отдавать себе ясный отчет в том, что деление на правителей и управляемых, если даже оно в конечном счете восходит к разделению на социальные группы, постоянно существует (если брать вещи такими, какими они являются на деле) даже в рамках одной и той же группы, хотя бы она и была однородной в социальном отношении; в известном смысле можно сказать, что это разделение является результатом разделения труда, техническим явлением. На совпадении этих моментов спекулируют те, кто видит во всем только «техническую» сторону, все сводит к «технической» необходимости и т. д., чтобы не рассматривать главную проблему.

Вследствие того, что даже в одной и той же группе существует деление на правителей и управляемых, возникает необходимость установить ряд непреложных принципов, а между тем именно на этой почве совершаются наиболее грубые «ошибки», которые проявляются в самой преступной неспособности и наиболее трудны для исправления. Считается, что если изложены принципы самой группы, то это должно автоматически обеспечить ей полную поддержку, и поэтому нет нужды отстаивать «необходимость» и разумность этих принципов. Более того, считается бесспорным (кое-кто убежден в этом и, что еще хуже, действует в соответствии с этим «убеждением»), что поддержка «придет», даже если не попросить о ней, даже если не намечен путь, по которому предстоит двигаться. Так, например, трудно вытравить присущий руководителям «кадорнизм»*, то есть

---

* *Кадорнизм* — диктаторские, бюрократические методы руководства (термин образован от фамилии главнокомандующего итальянскими войсками в годы первой мировой войны Луиджи Кадорна). *Ред.*

убеждение в том, что дело будет осуществлено только потому, что руководитель считает справедливым и разумным, чтобы оно было осуществлено; если этого не происходит — возлагается «ответственность» на того, кто «должен был бы...» и т. д. Так же трудно вытравить преступные замашки, состоящие в том, что пренебрегают необходимостью избегать бесполезных жертв. В самом деле, всем известно, что провал коллективных (политических) действий происходит большей частью потому, что не пытаются избежать бесплодных жертв или не учитывают жертв других и играют чужими жизнями. Каждый знает из рассказов офицеров-фронтовиков, как солдаты действительно рисковали жизнью, когда это было очень необходимо, и, напротив, как солдаты бунтовали, когда видели, что их жизнями пренебрегают. Например, одна рота оказалась в состоянии голодать много дней, так как видела, что продовольствие нельзя доставить в сложившейся обстановке, но она начинала бунтовать, если пища не выдавалась хотя бы один раз из-за невнимательности, бюрократизма и т. д.

Этот принцип распространяется на все действия, которые сопряжены с жертвами. В соответствии с этим принципом после любой неудачи необходимо прежде всего найти руководителей, несущих ответственность за поражение, имея в виду непосредственную ответственность. Например: фронт состоит из отдельных частей, и в каждой части имеются свои руководители; возможно, что руководители в одной части фронта несут за поражение большую ответственность, чем руководители другой. Однако это никогда не исключает ответственности каждого руководителя — речь идет только о большей или меньшей степени ответственности.

Если исходить из принципа, что существуют руководители и руководимые, правители и управляемые, то, несомненно, что «партии» до сих пор представляют собой самый удобный способ для выработки руководителей и навыков руководства («партии» могут выступать под самыми различными названиями, даже под вывеской антипартии и «отрицания партий»); но даже так называемые «независимые» («индивидуалисты») в действительности являются партийными людьми, только они хотели бы быть «вождями» милостью божией или по глупости тех, кто следует за ними).

Развитие общего понятия, содержащегося в выражении «государственный дух». Это выражение имеет вполне точное, исторически определенное значение. Но возникает вопрос: существует ли что-либо подобное тому, что называется «государственным духом», в любом серьезном движении, то есть в таком, которое не является лишь произвольным выражением индивидуализма (более или менее обоснованного) отдельных лиц, а более или менее [исторически] оправданно? В то же время понятие «государственного духа» предполагает «непрерывность» как по отношению к прошлому (через сохранение традиции), так и по отношению к будущему, то есть предполагает, что всякое действие составляет определенный момент в цепи сложного процесса, который начался в прошлом и которому предстоит развиваться в будущем. Нести ответственность за этот процесс, за участие в этом процессе, за солидарность с силами, материально «невидимыми», но ощущаемыми как деятельные, активные и принимаемые в расчет, как если бы они были «материальными» и физически ощутимыми, — вот что именно называют в определенных случаях «государственным духом».

Очевидно, что такое понимание «длительности» движения должно носить конкретный, а не абстрактный характер, то есть в известном смысле не должно переходить определенные границы. Предположим, что наиболее узкими границами служат предшествующее и будущее поколение, а это уже не мало, ибо поколения исчисляются не тридцатью годами до или тридцатью годами после сегодняшнего дня, их надо понимать органически, исторически. Что представляет собой поколение с исторической точки зрения, с точки зрения его органических черт, легко понять по крайней мере на примере отношения к старому поколению: мы солидарны с людьми, ставшими уже глубокими стариками и олицетворяющими в себе «прошлое», которое еще живо среди нас, которое пужно знать, с которым нужно свести счеты, которое является одним из элементов настоящего и одной из предпосылок будущего. Соответствующим образом мы относимся также к детям, к возникающим, растущим поколениям, за которые мы несем ответственность. (К этому не имеет отношения культ «традиции», который носит тенденциозный характер, включает в себя отбор и определенную цель, то есть

является базой идеологии.) Но если можно говорить, что «государственный дух» в таком его понимании присущ всем, то необходимо время от времени бороться против его извращений и уклонений от него.

Существует «жест ради жеста», «борьба ради борьбы» и т. п. и, в особенности, убогий и мелочный индивидуализм, который является прихотливой формой удовлетворения минутных порывов и т. п. (В действительности все это лишь разновидности итальянской «аполитичности», принимающей различные живописные и причудливые формы.) Индивидуализм есть лишь выражение звериной аполитичности; в сектантстве также выражается «аполитичность» — и действительно, при его внимательном рассмотрении, оно оказывается формой личного «покровительства», поскольку при этом отсутствует партийный дух, являющийся основным элементом «государственного духа». Показать, что партийный дух является основным элементом государственного духа — в этом состоит одна из актуальных и особенно важных задач, подлежащих разрешению. Напротив, «индивидуализм» — это нечеловеческая, звериная черта, «восхищающая иностранцев», подобно тому как вызывают восхищение повадки обитателей зоологического сада.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Выше уже отмечалось, что если бы в современную эпоху был написан новый «Государь»*, то его главным действующим лицом была бы не героическая личность, а определенная политическая партия, которая — в различные времена и при различных внутренних отношениях различных наций — стремится к основанию нового типа государства (будучи сознательно и с исторической необходимостью основана для этой цели).

---

* Имеется в виду труд Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянского политического мыслителя и писателя, одного из виднейших идеологов буржуазии периода разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. Макиавелли выдвигал идею создания в Италии единого централизованного национального государства. К. Маркс указывал, что Макиавелли был одним из первых буржуазных мыслителей, которые стали рассматривать государство человеческими глазами и выводили его законы из разума и опыта, а не из теологии (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, изд. 2, стр. 111*). *Ред.*

Следует обратить внимание на то, что там, где устанавливаются тоталитарные режимы, традиционная функция института верховной власти присваивается на деле определенной партией, которая является тоталитарной именно потому, что выполняет эту функцию. Хотя всякая партия является выразителем интересов социальной группы и только одной определенной социальной группы, тем не менее определенные партии при известных условиях представляют интересы такой группы, поскольку они осуществляют равновесие и выполняют роль арбитра между интересами собственной группы и других социальных групп, а также заботятся о том, чтобы развитие представляемой ими группы шло при согласии и с помощью союзных ей социальных групп, если они не являются прямо, решительно враждебными ей группами. Конституционная формула, определяющая положение короля (или президента республики) — «царствует, но не управляет», — представляет собой юридически оформленное выражение этой арбитражной функции, выражение заботы конституционных партий о том, чтобы не «разоблачать» корону или президента. Содержащееся в конституции положение о том, что глава государства не несет ответственности за действия правительства, и положение о министерской ответственности представляет собой казуистическое выражение общего принципа, состоящего в защите концепции государственного единства, концепции согласия управляемых с государственной деятельностью вне зависимости от того, кто входит в состав правительства и какая партия находится у власти.

При господстве тоталитарной партии эти конституционные положения теряют свое значение и деятельность функционировавших в соответствии с ними институтов ослабевает. Однако выполнение этой функции арбитра берет на себя тоталитарная партия, превозносящая абстрактную концепцию «государства» и старающаяся различными способами создать впечатление того, будто функция «беспристрастной силы» осуществляется действительно и эффективно.

Является ли необходимым политическое действие (в узком смысле), чтобы можно было говорить о «политической партии»? Можно отметить, что во многих странах современного мира органические, основные партии вследствие необходимости вести политическую борьбу или

по другим соображениям разбиты на фракции, каждая из которых именует себя «партией» и даже независимой партией. Поэтому часто случается, что духовный генеральный штаб органической партии не принадлежит ни к одной из таких фракций, а действует так, как если бы он был самостоятельно существующей руководящей силой, стоящей над партиями; и подчас люди этому даже верят. Эту функцию можно очень точно изучить, если исходить из того, что газета (или ряд газет), журнал (или ряд журналов) являются также «партиями» или «партийными фракциями» или выполняют «функцию определенной партии». В этой связи следовало бы подумать о той функции, которую «Таймс» выполняет в Англии, которая принадлежала «Коррьере делла сэра» в Италии, а также о той функции, которую выполняет так называемая «информационная» и «аполитичная» и даже спортивная и техническая печать. Впрочем, это явление обнаруживает очень интересные черты в таких странах, где безраздельно господствует тоталитарная партия, ибо такая партия не выполняет больше чисто политических функций — она выполняет теперь только технические, пропагандистские и полицейские функции, а также функции нравственного и культурного воздействия. Политическая функция выполняется в таком случае косвенным путем, потому что если отсутствуют другие легальные партии, то всегда существуют некоторые фактические партии и тенденции, которые нельзя подавить легальным путем; полемика и борьба против них напоминает игру в жмурки. Во всяком случае, несомненно одно, что в тоталитарных партиях преобладают культурные функции, порождающие политический жаргон, то есть политические вопросы облачаются в культурные формы и как таковые становятся неразрешимыми.

Но одна традиционная партия имеет по существу «косвенный» характер, то есть она прямо, откровенно выступает как партия, выполняющая чисто «воспитательную» («lucus» и др.), морализующую, культурную (sic) роль. Речь идет о либертаристском* движении, причем даже так называемое прямое действие (террор) рассматривается как «пропаганда» примером. Это в еще большей степени может укрепить мнение о том, что либертаристское дви-

---

* Анархистском. *Прим. перев.*

жение не является самостоятельным, а существует на периферии других партий с целью их «воспитания». Можно говорить о том, что либертаризм присущ любой органической партии. (Что представляют собой «интеллектуальные или мыслящие либертарии» *, как не один из аспектов такой «периферийной деятельности» по отношению к крупным партиям господствующих социальных групп?) Сама секта приверженцев «экономизма» ** была историческим аспектом этого явления.

Таким образом, выявляются две формы «партии», сводящей непосредственное политическое действие к голой абстракции. Во-первых, она может представлять собой *élite* деятелей культуры, функции которых заключаются в том, чтобы с точки зрения культуры, с точки зрения общих идеологических принципов осуществлять руководство огромным движением родственных между собой партий (которые являются в действительности фракциями одной и той же органической партии). Во-вторых, в более близкий период такая партия представляет собой не *élite*, а массовую партию, причем политическая роль массы заключается только в том, что она должна (подобно армии) во всем следовать и доверять открытому или скрытому политическому центру (открытый политический центр часто является механизмом управления в руках тех сил, которые стремятся остаться в тени и действуют косвенно, через посредников и через «посредническую идеологию»). Масса служит здесь попросту «маневренной силой», и ее «занимают» моральными наставлениями, сентиментальными внушениями, мессианскими мифами о наступлении легендарной эпохи, во время которой сами собой будут разрешены все бедствия, устранены все противоречия современности.

Чтобы написать историю политической партии, в действительности приходится решать целый ряд проблем, значительно более сложных, чем думает, например, Роберто Михельс, хотя он и считается специалистом в этой области. Что должна представлять собой история партии? Должна ли она быть простым повествованием о внутренней жизни политической организации, о ее возникновении,

---

* Анархисты. *Прим. перев.*

** Этим термином Грамши определяет вульгарные истолкования марксизма. *Ред.*

о первых группах, на основе которых она образовалась, об идеологической борьбе, в которой формируется ее программа и ее мировоззрение? Будь это так, получилась бы история ограниченных групп интеллигенции, а чего доброго и политическая биография отдельной личности. Поэтому рамки картины должны быть более широкими и вместительными.

История партии должна быть историей определенной массы людей, которые следуют за инициаторами, поддерживая их своим доверием, своей преданностью, своей дисциплиной, или «реалистически» критикуют их, оставаясь пассивными (к начинаниям инициаторов) или вообще рассеиваясь. Но следует ли рассматривать эту массу как состоящую только из членов партии? Достаточно ли будет проследить историю съездов, результаты голосования и т. д., то есть всю совокупность деятельности во всех ее формах, в которых партийная масса проявляет свою волю? Совершенно очевидно, что следует также приписать в расчет ту социальную группу, выразителем интересов и передовой частью которой является партия, иными словами, история партии не может не быть историей определенной социальной группы. Но эта группа не существует изолированно — у нее есть друзья, родственные ей группы, противники и враги. Только сложная картина всего комплекса социальных, государственных (а часто также и международных) отношений дает правильное представление об истории определенной партии. Поэтому можно сказать, что написать историю партии — значит написать с определенной монографической точки зрения историю страны в целом, выделяя ее наиболее характерную сторону. Партия имеет большее или меньшее значение и влияние именно в зависимости от того, в какой степени ее собственная деятельность отражает и предопределяет весь ход исторического развития страны. Таким образом, самый метод написания истории партии показывает, каков взгляд ее автора на вопрос о том, что представляет собой партия и чем она должна быть. У сектанта вызывают воодушевление незначительные факты внутрипартийной жизни, которые имеют для него тайный смысл и наполняют его мистическим энтузиазмом. Историк, определяя значение каждого фактора и события в рамках общей картины, уделяет, однако, главное внимание реальной боеспособности партии, направляющей силе ее воздействия,

позитивного и негативного, благодаря которой она внесла свой вклад в осуществление одних и предотвращение других событий.

Вопрос о том, когда можно считать партию сформировавшейся, то есть имеющей ясную и постоянную цель, вызывает оживленную полемику и часто, к сожалению, порождает даже партийную спесь, не менее смешную и опасную, чем «национальная спесь», о которой писал Вико. Действительно, можно сказать, что партия никогда не будет окончательно оформлена в том смысле, что историческое развитие выдвигает новые задачи и обязанности, а также в том смысле, что по отношению к некоторым партиям применим тот парадокс, что окончательное оформление и завершение развития этих партий произойдет тогда, когда они прекратят свое существование, то есть когда они станут исторически бесполезными. Так, поскольку каждая партия является принадлежностью класса, очевидно, что партия, стремящаяся уничтожить деление на классы, достигнет самой высшей и совершенной формы своего развития тогда, когда перестанет существовать, потому что перестанут существовать классы, а следовательно, и выразители их интересов. Но здесь необходимо указать на особый момент в этом процессе развития, наступающий вслед за тем моментом, когда партия может существовать, а может и не существовать в том смысле, что необходимость ее существования не стала еще «безусловной» и зависит в «огромной степени» от существования личностей с исключительной силой воли и с исключительной целеустремленностью.

Когда партия становится исторически «необходимой»? Тогда, когда условия ее «триумфа», ее неизбежного превращения в правительственную партию находятся по крайней мере в стадии формирования и позволяют с уверенностью предвидеть их последующее развитие. Но можно ли при этих условиях утверждать, что партию не смогут уничтожить обычными средствами? Для ответа на этот вопрос нужно развить следующий тезис: для того чтобы существовала партия, необходимо добиться слияния во едино трех основных элементов (то есть групп элементов).

1) Наиболее распространенный элемент — обычные, средние люди. Их вклад состоит не в привнесении творческого духа или духа высокой организации, а в их дисциплинированности и преданности. Несомненно, что без

них партия не могла бы существовать, но также несомненно, что партия не могла бы существовать, если бы состояла «только» из них. Они представляют собой силу постольку, поскольку есть кому обеспечить их централизацию, организацию и дисциплинированность: если бы не было этой связующей силы, они раздробились бы на бесчисленные частицы, обессилили друг друга и бесследно исчезли. Нельзя отрицать, что каждый из этих людей может стать одной из таких связующих сил; но в качестве таковых о них говорят именно тогда, когда они не являются такой силой и не в состоянии быть ею; или же если они и являются такой силой, то только в узких границах, что не имеет политического значения и остается без последствий.

2) Главный связующий элемент, осуществляющий централизацию в национальном масштабе и делающий эффективной и мощной совокупность тех сил, которые, будучи предоставлены самим себе, оказались бы равными нулю или немногим больше того. Этот элемент обладает мощной связующей силой — централизующей, дисциплинирующей и даже (вероятно, в силу этих качеств) изобретательной (если рассматривать «изобретательность» в определенном направлении, в соответствии с определенной расстановкой сил, с определенными перспективами, а также с определенными предпосылками).

Конечно, партия также не могла бы сформироваться только из одного этого элемента; тем не менее это формирование обеспечивалось бы им в большей мере, чем первым из рассматриваемых элементов.

Принято говорить о генералах без армии, но в действительности значительно легче создать армию, чем вырастить генералов. Также бесспорно, что уже существующая армия разрушается, если она оказывается без генералов. Между тем, если существует группа военачальников, умеющих сотрудничать между собой, хорошо понимающих друг друга и стремящихся к общим целям, то дело не станет и за созданием армии даже там, где ее вовсе не существует.

3) Средний элемент, который соединил бы первый элемент со вторым, который установил бы контакт между ними не только в «физическом», но также в нравственном и духовном отношениях. В действительности для каждой партии существуют «определенные пропорции» между

этими тремя элементами, и максимальный эффект достигается тогда, когда такие «определенные пропорции» превращаются в жизнь. Исходя из этих соображений, можно сказать, что партию нельзя уничтожить обычными средствами в том случае, когда существует в качестве необходимого условия второй элемент, чье возникновение связано с существованием объективных материальных условий, пусть еще непрочных и неустойчивых (если второй элемент отсутствует, всякое рассуждение бессмысленно), и когда вследствие этого не могут не сформироваться два других элемента, то есть первый, который, в свою очередь, неизбежно создает третий как свое продолжение и как средство собственного выражения.

Для того чтобы все это осуществилось, должно сложиться твердое убеждение, что определенное разрешение назревших проблем является необходимостью. Без этого убеждения не сможет образоваться второй элемент, который легче всего разбить из-за его немногочисленности; но необходимо, чтобы этот элемент, даже в случае, если он будет разбит, оставил после себя фермент, который позволил бы ему снова возродиться. Но где этот фермент сможет лучше прижиться и лучше сформироваться, как не в первом и третьем элементах, которые, очевидно, наиболее однородны со вторым? Поэтому основная деятельность второго элемента должна быть направлена на создание такого фермента. Критерием в оценке второго элемента должна служить, во-первых, его реальная деятельность вообще, а во-вторых, его подготовка, связанная с возможностью его разрушения. Трудно сказать, какой из этих моментов является более важным. Поскольку в борьбе всегда нужно предвидеть возможное поражение, подготовка собственных преемников имеет столь же важное значение, как и то, что делается непосредственно для победы.

По поводу партийной «спеси» можно сказать, что она еще опаснее, чем «национальная спесь», о которой писал Вико. Почему? Потому что нация не может не существовать, и в самом факте ее существования всегда можно обнаружить (даже проявляя добрые намерения и приводя убедительные доказательства) веление судьбы и особый глубокий смысл. Партия же может прекратить свое существование по собственной воле. *Никогда* не нужно забывать, что в борьбе между нациями каждая из наций

заинтересована в том, чтобы другая была ослаблена внутренней борьбой, и что партии являются как раз участниками этой борьбы. Следовательно, всегда может возникнуть вопрос, существуют ли партии благодаря своим собственным силам, в силу собственной необходимости или, наоборот, только потому, что в этом заинтересованы другие (и действительно, в полемике этот момент никогда не упускается из виду; напротив, он даже настойчиво подчеркивается, особенно тогда, когда дается такой ответ, который не оставляет сомнений; а это и означает, что вопрос этот возбуждал и оставлял сомнения). Но тот, кто стал бы мучиться этим сомнением, был бы, конечно, дураком. В политическом отношении этот вопрос имеет лишь кратковременное значение. В истории так называемого национального вопроса бесчисленное число раз имело место иностранное вмешательство в пользу тех национальных партий, которые боролись против внутренних устоев враждующих государств, так что, когда говорят, например, о «восточной» политике Кавура, следует подумать о том, шла ли речь о «политике», то есть о постоянной линии поведения, или о ловком ходе, сделанном в определенный момент и рассчитанном на ослабление Австрии в предвидении войны 1859 и 1866 годов. Точно так же в мадзинистских движениях в начале 1870 года (например, в деле Барсанти *) усматривают вмешательство Бисмарка, который, предвидя войну с Францией и опасность итало-французского союза, надеялся с помощью внутренних конфликтов ослабить Италию. В событиях, происшедших в июне 1914 года **, некоторые также видят вмешательство австрийского генерального штаба в связи с предстоящей войной. Как видим, казуистические приемы весьма многочисленны, поэтому по данному вопросу нужно иметь ясную точку зрения. Если признать, что все, что кто-то делает,

---

* *Барсанти, Пьетро* — капрал, напавший 24 мая 1870 года вместе с 40 республиканцами на военную казарму в Павии с целью привлечь солдат на сторону мадзинистов. Попытка Барсанти не удалась, и в августе того же года он был расстрелян. *Ред.*

** Имеется в виду начавшаяся 8 июня 1914 года по призыву Итальянской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда всеобщая забастовка протеста против убийства полицией трех участников антимилитаристской демонстрации в Анконе. Забастовка и сопутствовавшие ей народные выступления вошли в историю рабочего движения Италии под названием «Красная неделя». *Ред.*

всегда идет кому-то на пользу, то в таком случае важно всеми способами стремиться действовать на пользу самому себе, то есть добиваться полной победы. Во всяком случае, нужно с презрением отвергать партийную «спесь» и вместо нее опираться на конкретные факты. Кто исходит не из конкретных фактов, а из партийной «спеси» и руководствуется ею в политике, тот, бесспорно, заставляет усомниться в себе, как в серьезном политике. Излишне добавлять, что партии должны избегать такого положения, когда их действия, пусть даже «оправданные», выглядели бы как игра на руку кому-то другому (особенно если этот «кто-то» — иностранное государство), но если кто-либо попытается спекулировать на этом, то тут уже ничего не поделаешь.

Трудно допустить, чтобы какая-либо политическая партия (представляющая господствующую группу, а также и подчиненные социальные группы) не выполняла также и полицейскую функцию, то есть функцию защиты определенного законного политического порядка.

Показав это со всей отчетливостью, вопрос следует поставить по-другому, а именно как вопрос о тех путях и о тех способах, с помощью которых осуществляется эта функция. Что лежит в ее основе — репрессии или убеждение, носит ли она реакционный или прогрессивный характер? Выполняет ли данная партия свою полицейскую функцию с целью сохранения порядка, который является внешним, чуждым живым силам истории и сковывает их развитие, или эти ее действия продиктованы стремлением поднять народ на новую ступень цивилизации, политическое и правовое устройство которой составляет ее программную цель? В самом деле, закон находит тех, кто его нарушает, во-первых, среди реакционных социальных элементов, которых он лишил власти; во-вторых, среди прогрессивных элементов, которых закон подавляет; в-третьих, среди тех элементов, которые не достигли того уровня цивилизации, который закон может представлять. Поэтому выполняемая партией полицейская функция может быть прогрессивной и регрессивной: она прогрессивна, когда направлена на то, чтобы удерживать в рамках законности реакционные силы, отрешенные от власти, и поднять на уровень новой законности остальные массы; она регрессивна, когда стремится подавить живые силы истории и сохранить уже превзойденную, антиисториче-

скую законность, ставшую чуждой массам. А в остальном отличительным критерием какой-либо партии служит характер ее деятельности: если партия является прогрессивной, она выполняет эту функцию «демократически» (в смысле демократического централизма); если партия является регрессивной, она выполняет эту функцию «бюрократически» (в смысле бюрократического централизма). Во втором случае партия представляет собой простого нерассуждающего исполнителя, она является (в техническом отношении) полицейской организацией и ее название — «политическая партия» — представляет собой простую метафору, посвящую мифологический характер.

ПРЕДВИДЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА

Другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть разрешенным и разработанным, — это вопрос о «двойной перспективе» в политической деятельности и в государственной жизни. Существуют различные ступени, на которых двойная перспектива может быть выявлена — от самых простых до самых сложных, — но теоретически они могут быть сведены к двум основным ступеням, соответствующим двойственной природе макиавеллиевского Кентавра, звериной и человеческой, — к ступеням силы и согласия, власти и гегемонии, насилия и гражданственности, индивидуального и универсального («церкви» и «государства»), агитации и пропаганды, тактики и стратегии и т. д. Некоторые свели теорию «двойной перспективы» к чему-то банальному и убогому, и только к этому, то есть к двум формам «конкретного», которые механически следуют друг за другом во времени с большим или меньшим «приближением». Напротив, может случиться, что в чем большей степени первая «перспектива» является «самой конкретной», самой элементарной, тем в большей степени вторая должна быть «отдаленной» (не во времени, а как диалектическое отношение), сложной, возвышенной, то есть может случиться, как в человеческой жизни, что чем в большей степени индивидуум принужден защищать собственное непосредственное физическое существование, тем в большей степени в своих утверждениях и действиях он опирается на все сложные и самые высокие ценности цивилизации и человечества. Бесспорно, что предвидеть означает лишь правильно видеть настоя-

щее и прошлое как находящиеся в движении; правильно видеть означает точно определять основные и постоянно существующие элементы процесса. Но абсурдно думать о чисто «объективном» предвидении. У того, кто выступает с предвидением, в действительности есть определенная «программа», победы которой он желает, и предвидение является именно элементом такой победы. Это не означает, что предвидение всегда должно быть произвольным и необоснованным или совершенно тенденциозным. Можно даже сказать, что лишь в той мере, в какой объективный аспект предвидения связан с программой, этот аспект обретает объективность: 1) ибо только страсть обостряет интеллект и помогает сделать интуицию более ясной; 2) ибо так как действительность является результатом приложения человеческой воли к общности вещей (воли рабочего к машине), то отбрасывать всякий элемент проявления воли или учитывать лишь вмешательство других волей в качестве объективного элемента в общей игре сил значит исказить самоё действительность. Лишь испытывающие сильное желание это сделать отождествляют эти элементы, необходимые для реализации их собственной воли.

Поэтому мнение, что определенное мировоззрение заключает в самом себе наивысшую способность к предвидению, является ошибкой, порожденной невежественным самодовольством и легкомыслием. Конечно, во всяком предвидении заключено мировоззрение, и поэтому отпуюдь не лишено значения, является ли оно совокупностью не связанных между собой произвольных актов мысли или принимает форму четких и последовательных взглядов; но это значение оно приобретает именно в работающем мозгу того, кто делает предсказания и проводит их в жизнь своей сильной волей. Это видно из предсказаний, сделанных так называемыми «беспристрастными» людьми: они полны празднословия, ничтожных пустяков, изощренных догадок. Лишь наличие у того, «кто предвидит», требующей своего осуществления программы, приводит к тому, что он сосредоточивает свое внимание на главном, на тех элементах, которые, поддаваясь организации, допуская, чтобы их вели вперед или уводили в сторону, являются в действительности единственными элементами, которые можно предвидеть. Это идет вразрез с общепринятым способом рассматривать вопрос. Обычно

думают, что любой акт предвидения предполагает выявление постоянно действующих законов, подобных законам естественных наук. Но эти законы не существуют в предполагаемом абсолютном или механистическом смысле. Наряду с этим не учитывают проявлений других волей и не «предвидят» их приложения. Поэтому исходят из произвольных гипотез, а не из реальности.

«Чрезмерный» (и, следовательно, поверхностный и механистический) политический реализм часто приводит к утверждению, что государственный деятель должен исходить лишь из «реальной действительности», интересуясь не тем, что «должно быть», а только тем, что «есть». Это означает, что государственный деятель, бросая перспективный взгляд, должен заглядывать не дальше собственного носа. Эта ошибка привела Паоло Тревеса к признанию Гвиччардини*, а не Макиавелли «настоящим политиком».

Следует проводить различие между «дипломатом» и «политиком», так же как между ученым от политики и активным политиком. Дипломат не может действовать иначе, как в рамках реальной действительности, ибо его специфическая деятельность сводится не к созданию новых систем равновесия, а к сохранению в определенных юридических рамках существующего равновесия. Таким же образом и ученый должен исходить лишь из реальной действительности, поскольку он является только ученым. Но Макиавелли не просто ученый, он человек партии, человек могучих страстей, активный политик, стремящийся к созданию новых соотношений сил, и поэтому он не может не интересоваться тем, что «должно быть», которое понимается, конечно, не в моралистическом смысле. Следовательно, вопрос нельзя ставить в такой форме, он является более сложным; иными словами, речь идет о том, чтобы установить, является ли то, что «должно быть» произвольным или необходимым актом, конкретной волей или безнадежной мечтой, желанием, неясным устремле-

---

* Гвиччардини, Франческо (1483—1540) — итальянский буржуазный историк и политический деятель, представитель крупной флорентийской буржуазии. Движущей силой истории Гвиччардини считал скрытые побуждения отдельных лиц, их стремление к власти и приобретению богатств. В политике оправдывал применение любых средств. *Ред.*

нием. Активный политик — это созидатель, человек, побуждающий к действию, но он не создает из ничего, не возвращается в туманной пустоте своих желаний и мечтаний. Он исходит из реальной действительности; но какова эта реальная действительность? Быть может, это нечто статичное и неподвижное, а вовсе не соотношение сил, связанное с находящимся в непрерывном движении и изменении равновесием? Направлять волю на создание нового равновесия реально существующих и действующих сил, опираясь на ту определенную силу, которая считается прогрессивной, создавая условия для ее победы, все это значит, конечно, действовать на почве реальной действительности, но действовать так, чтобы суметь господствовать над ней и превзойти ее (или содействовать этому). Следовательно, «должно быть» является конкретностью и, больше того, оно является единственным реалистическим, основанным на историзме истолкованием действительности, единственной претворяющейся в действие историей и философией, единственной верной политикой.

Противоположность между Савонаролой и Макиавелли является противоположностью не между тем, что есть и что должно быть (весь раздел в сочинении Л. Руссо, посвященный этому вопросу, представляет собой просто набор пышных фраз), а между двумя «должно быть» — абстрактным и расплывчатым у Савонаролы и реалистическим у Макиавелли — реалистическим, пусть даже это «должно быть» и не превратилось в конкретную действительность, так как нельзя ожидать, чтобы отдельная личность или книга изменили действительность: они могут лишь объяснить ее и наметить возможную линию действий. Ограниченность деятельности Макиавелли состоит только в том, что он являлся «частной личностью», писателем, а не главой государства или армии, который, также являясь отдельной личностью, имеет, однако, в своем распоряжении силы государства или армии, а не только армии слов. Но нельзя, исходя из этого, утверждать, что Макиавелли был «безоружным пророком»: это означало бы преуменьшать его духовное значение. Макиавелли никогда не говорит, что он думает об изменении действительности, или намерен сам лично заняться ее изменением; он стремится лишь конкретно показать, как должны были бы действовать исторические силы, чтобы стать эффективными.

АНАЛИЗ СИТУАЦИИ. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Изучение вопроса о том, каков должен быть анализ создавшейся ситуации, то есть каким образом следует определять различные уровни соотношения сил, может содействовать изложению основ политической науки и политического искусства, рассматриваемых как совокупность практических приемов исследования и специальных наблюдений, которые содействуют пробуждению интереса к конкретной действительности и развитию более верной и более тонкой политической интуиции. Вместе с тем надо дать изложение того, что нужно понимать в политике под стратегией и тактикой, под стратегическим «планом», под пропагандой и агитацией, под организацией, то есть под наукой о политической организации и администрации.

Почерпнутые из практики наблюдения, обычно в беспорядке разбросанные в трудах, посвященных политической науке (в качестве примера можно указать на работу Г. Моска * «Элементы политической науки»), должны — поскольку они не носят абстрактного характера и не лишены солидного обоснования — занять подобающее им место при определении различных уровней соотношения сил. Начав с соотношения сил международных (здесь следует учесть все то, что написано по поводу определения великой державы, по вопросу о вхождении государств в господствующие блоки и, следовательно, о концепции независимости и суверенитета в той мере, в какой это касается мелких и средних государств), следует затем перейти к объективным социальным отношениям, то есть к уровню развития производительных сил, затем к политическим отношениям, к отношениям между партиями (вопрос о политических блоках, которым принадлежит руководящая роль в государстве) и, наконец, к непосредственным политическим отношениям (то есть отношениям, потенциально связанным с войной).

Предшествует ли развитие международных отношений развитию основополагающих социальных отношений или же их развитие логически следует за этими последними? Несомненно, что следует за ними. Каждое коренное об-
повление экономического базиса вызывает коренное, как

---

* *Моска, Газзано* (1858—1941) — итальянский буржуазный юрист, автор ряда социологических работ. *Ред.*

абсолютное, так и *относительное*, изменение соотношения сил на международной арене, что находит свое выражение в техническом и военном аспектах. Даже изменения географического положения национального государства не определяют перемен в базисе, а сами являются логическим следствием этих перемен; в то же время оно воздействует в известной степени на эти перемены — в такой же степени, в какой надстройки воздействуют на экономический базис, политика — на экономику и т. д. С другой стороны, международные отношения оказывают пассивное и активное воздействие на политические отношения, на отношения, связанные с гегемонией партий. Чем больше непосредственная экономическая жизнь страны подчинена международным отношениям, тем в большей степени это находит свое отражение в деятельности определенной партии, которая использует подобную ситуацию для предотвращения того, чтобы получили преимущество враждебные ей партии (можно напомнить знаменитую речь Нитти по поводу того, что итальянская революция *технически* невозможна!). Исходя из такого рода фактов, можно прийти к выводу, что зачастую так называемая «партия иностранцев» вовсе не является подобной партией, именуемой столь вульгарным образом, а представляет собой как раз наиболее националистическую партию, ибо помимо того, что она является представителем жизненных сил собственной страны, в ее деятельности в еще большей степени находит отражение факт экономической зависимости и подчинения этой страны той или иной господствующей нации или группе наций*.

Для правильного анализа тех сил, которые действуют на протяжении определенного исторического периода, и для уяснения существующих между ними отношений нужно правильно поставить и разрешить проблему соотношения между экономическим базисом и надстройками. При этом следует руководствоваться двумя принципами: 1) ни одно общество не ставит перед собой каких-либо задач, если реальные условия, необходимые для их разрешения, еще отсутствуют или если эти условия не находятся по крайней мере в стадии развития и оформления; 2) ни одно

---

* В статьях, опубликованных Д. Вольпе в «Коррьере дела сэра» 22 и 23 марта 1932 года, содержится указание на этот международный фактор, «подавляющий» внутреннюю энергию отдельных стран. *Прим. автора.*

общество не погибнет и не может быть заменено другим до тех пор, пока не разовьются все те формы жизни, которые внутренне присущи его отношениям *. Исходя из этих двух основных принципов, можно разработать целый ряд других принципов, относящихся к методологии истории.

В то же время при изучении экономического базиса нужно делать различие между органическими движениями (то есть относительно непрерывными) и такими, которые можно назвать «конъюнктурными» (последние носят случайный, поверхностный характер и возникают почти внезапно). Конечно, даже такие конъюнктурные движения зависят от органических движений, но они не имеют большого исторического значения, ибо порождают мелочную злободневную политическую критику, которая распространяется на отдельные небольшие правящие группы и лиц, непосредственно облеченных властью. Процессы, органические по своему характеру, порождают критику, имеющую социально-историческое значение; она охватывает большие социальные группы и выходит далеко за рамки критики как отдельных, непосредственно облеченных властью лиц, так и правящих лиц вообще.

При изучении того или иного исторического периода выступает огромная важность этого различия. Выявляется существование кризисов, длящихся порой десятилетиями. Столь необычная продолжительность кризисов означает, что в экономическом базисе начали проявляться (назрели) непримиримые противоречия и что политические силы, деятельность которых направлена на сохранение и защиту данного экономического базиса, стремятся тем не менее примирить в какой-то мере эти противоречия и преодолеть их. Эти силы, действующие упорно и непрестанно (ибо ни одна социальная форма никогда не согласится признать,

---

* «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 7).* *Прим. автора.*

что она изжила себя), образуют ту почву «случайного», на которой происходит организация антагонистических сил, стремящихся доказать, что уже существуют необходимые и достаточные условия, благодаря которым определенные исторические задачи могут и должны быть исторически разрешены: они должны быть разрешены, потому что всякое невыполнение исторического долга усиливает неизбежный хаос и подготавливает еще более тяжелые катастрофы. (Это доказательство в конечном счете оказывается успешным и «истинным» только в том случае, если утверждается новая действительность, если эти антагонистические силы одерживают победу, но поначалу оно принимает форму идеологических, религиозных, философских, политических, юридических и других полемических столкновений, конкретное значение которых определяется силой их влияния и тем, в какой мере им удастся вызвать сдвиг в существовавшей ранее расстановке социальных сил.)

При историко-политическом анализе часто впадают в ошибку, состоящую в том, что не могут найти правильного соотношения между тем, что является органическим, и тем, что является случайным: получается так, что в качестве причин, оказывающих непосредственное воздействие, выдвигают те причины, которые, напротив, оказывают воздействие опосредствованно, или же утверждают, что причины, оказывающие непосредственное воздействие, являются единственными действующими причинами. В одном случае выступает крайность, присущая «экопомизму» или педантичному доктринерству; в другом — крайность, присущая «идеологизму». В первом случае переоцениваются механические причины, во втором — превозносятся волюнтаристский элемент и значение индивидуума. Различие между «органическими» и «конъюнктурными» или случайными движениями и явлениями пужно проводить в ситуациях любого вида, не только в тех, которые характеризуются регрессом и острым кризисом, но и в тех, характерной чертой которых является прогрессивное развитие и процветание, а также в тех, которые отличаются застоєм производительных сил. Трудно точно установить диалектическую связь между двумя видами движения и показать ее в исследовании; и если ошибка оказывается грубой в историографии, то еще более серьезный характер приобретает она в политическом искусстве, когда речь идет не о воссоздании истории прошлого, а о

том, чтобы творить историю настоящего и будущего*: собственные желания и собственные порочные и эгоистические страсти служат причиной подобной ошибки, поскольку они заменяют собой объективный и беспристрастный анализ, и сама эта замена не сознательно совершается с целью использовать ее как «средство», побуждающее к действию, а является результатом самообмана. В этом случае змея также жалит шарлатана, иначе говоря, демагог становится первой жертвой собственной демагогии.

Значение этих методологических критериев может полностью раскрыться со всей их поучительной наглядностью в применении к исследованию конкретных исторических фактов. Было бы полезно сделать это применительно к событиям французской истории в период с 1789 по 1870 год. На мой взгляд, для большей ясности изложения необходимо рассматривать весь этот период в целом. В самом деле, лишь в 1870—1871 годах, в связи с начинаниями Коммуны, исторически исчерпало себя все то, что возникло в 1789 году; новый класс, борющийся за власть, наносит поражение не только представителям старого общества, которое не хочет признать, что оно полностью изжило себя, но и новейшим социальным группам, которые считают, что новый базис, возникший в результате событий, начавшихся в 1789 году, уже устарел; тем са-

---

* Тот факт, что при рассмотрении «соотношения сил» не принимают во внимание момент непосредственных политических отношений, связан с наслоениями вульгарно-либеральной концепции; синдикализм является таким ее проявлением, которое считало себя более передовой теорией, хотя в действительности являлось шагом назад. На самом деле вульгарно-либеральная концепция, придававшая важное значение отношениям между политическими силами, принимавшим различные формы партийной организации (читка газет, парламентские и местные выборы, массовые партийные и профсоюзные организации в узком смысле), была более передовой по сравнению с синдикализмом, который придавал первостепенное значение основополагающим социально-экономическим отношениям, и только им. Вульгарно-либеральная концепция в скрытой форме также принимала в расчет эти отношения (как это явствует из многочисленных признаков), но она обращала большее внимание на политические отношения, которые выражали и на самом деле воплощали в себе другие отношения. Эти наслоения вульгарно-либеральной концепции можно проследить в целом ряде работ, которые, как уверяют некоторые, связаны с философией практики и породили инфантильные формы оптимизма и всевозможные нелепости. *Прим. автора.*

мым новый класс доказывает свою жизнеспособность как старому классу, так и новейшим социальным группам. Кроме того, начиная с 1870—1871 годов теряет силу весь комплекс принципов политической стратегии и тактики, практически возникших в 1789 году и теоретически развитых в связи с революцией 1848 года,— тех принципов, которые сводятся к формуле «перманентной революции» *. (Было бы интересно проследить, в какой степени эта теория была использована в мадзинистской стратегии, например в связи с восстанием в Милане в 1853 году, и было ли это сделано сознательно или нет.) Подтверждением правильности этого мнения служит тот факт, что историки резко расходятся между собой (да иначе и не может быть) при определении границ того комплекса событий, который составляет Французскую революцию. Некоторые из них (например, Сальвемини) считают, что революция завершилась победой при Вальми: Франция создала новое государство и сумела организовать военно-политическую силу, для того чтобы утвердить и отстоять территориальную целостность и суверенитет страны. Другие утверждают, что революция продолжалась вплоть до Термидора; они говорят даже о нескольких революциях (вроде того, что 10 августа была самостоятельная революция, и т. д.) **.

Наиболее острые разногласия вызывает вопрос об оценке Термидора и деятельности Наполеона: следует ли здесь говорить о революции или о контрреволюции? Есть и такое мнение, что революция продолжалась вплоть до 1830, до 1848, до 1870 года или даже до мировой войны 1914 года. Во всех этих взглядах есть доля истины.

В самом деле, лишь с установлением Третьей республики внутренние противоречия социального строя Франции, развившиеся после 1789 года, относительно ослабли, и в течение последних шестидесяти лет политическое положение во Франции остается устойчивым после восьми десятилетий бурных переворотов, которые шли все расши-

---

* Термин «перманентная революция» употребляется здесь Грамши для того, чтобы указать на ошибочное истолкование этой формулы К. Маркса Троцким (то есть как политического переворота, совершаемого меньшинством без поддержки широких масс). Поэтому Грамши берет этот термин в кавычки. *Прим. итальянск. ред.*

** См. А. Mathiez. *La Révolution française* (в серии, изданной А. Колэном). *Прим. автора.*

ряющимися волнами: событий 1789, 1794, 1799, 1804, 1815, 1830, 1848, 1870 годов. Изучение именно этих «волн» различной длины позволяет познать взаимоотношения между базисом и надстройками, с одной стороны, и с другой — соотношение в развитии органического и конъюнктурного движения, происходившего в рамках данного базиса. В то же время можно сказать, что в историко-политической формуле перманентной революции заключена диалектическая взаимосвязь между двумя методологическими принципами, выдвинутыми в начале этой статьи.

Другим аспектом этой же проблемы является вопрос о так называемом соотношении сил. В исторических сочинениях часто встречаются общие выражения: «благоприятное (или неблагоприятное) соотношение сил для той или иной тенденции». В столь абстрактной форме эта формулировка ничего или почти ничего не объясняет, ибо все сводится только к тому, что определенный факт, требующий объяснения, рассматривается дважды: один раз как факт, другой раз — как абстрактный закон, как само объяснение. Теоретическая ошибка заключается здесь, следовательно, в том, что принцип исследования и интерпретации превращают в «причину» исторических событий.

Между тем при рассмотрении «соотношения сил» следует выделять различные моменты или ступени в этом соотношении, главные из которых таковы:

1. Отношения между социальными силами, тесно связанные с базисом, объективные, независимые от воли людей отношения, которые можно измерять с такой же точностью, какая достигается в точных или технических науках. Уровень развития материальных производительных сил является основой существования соответствующих ему социальных групп, каждая из которых выполняет определенную функцию и занимает определенное положение в самом производстве. Эти отношения являются такими, каковы они есть, это действительность, не подлежащая изменению: ни один человек не может изменить число предприятий и число работающих на них, число городов и количество городского населения и т. д. Эти основополагающие отношения позволяют определить, существуют ли в обществе необходимые и достаточные условия для его преобразования, то есть позволяют определить, в какой мере реалистична и практически осуществима та или иная система идей, возникшая на базе этих

отношений в результате противоречий, порожденных ими в процессе развития.

2. Следующая ступень — это соотношение политических сил, то есть оценка того, в какой степени различные социальные группы достигли монолитности, самосознания и организованности. В этих отношениях можно в свою очередь выделить и проанализировать различные ступени, которые соответствуют различным уровням развития коллективного политического сознания, которые до сих пор существовали в истории. Первой и самой элементарной стадией коллективного политического сознания является экономико-корпоративная стадия: купец считает, что он *должен* выступать солидарно с другим купцом, фабрикант — с другим фабрикантом и т. д., но купец еще не ощущает себя солидарным с фабрикантом. Таким образом, профессиональная группа пришла к осознанию своего монолитного единства и необходимости его создания, но этого еще не достигла более широкая социальная группа. Вторая стадия заключается в том, что утверждается сознание солидарности интересов всех членов социальной группы, однако еще в чисто экономической области. Уже на этой стадии встает вопрос о государстве, но пока только с точки зрения достижения политико-юридического равенства с господствующими группами; эта социальная группа добивается права участия в законодательстве и административном управлении и даже права на проведение изменений и реформ в этих областях, но, конечно, без нарушения основ существующего порядка. Третья стадия несет с собой сознание того, что собственно корпоративные интересы в результате их развития в настоящем и в будущем выходят за корпоративные рамки, за рамки чисто экономической группы и могут и должны стать интересами других, подчиненных групп. Эта стадия носит преимущественно политический характер и знаменует собой ясно выраженный переход от экономического базиса к сфере сложных надстроек. На этой стадии ранее возникшие идеологии превращаются в «партию», сталкиваются друг с другом, вступают в борьбу, которая длится до тех пор, пока одна из этих идеологий (или по крайней мере одна из их комбинаций) не начинает становиться преобладающей, стремясь к тому, чтобы стать господствующей, чтобы распространиться по всей социальной арене, порождая тем самым, помимо утверждения един-

ства экономических и политических задач, также духовное и нравственное единство, ставя все вопросы, вокруг которых кипит борьба, не в корпоративном плане, а в плане «универсальном» и добиваясь таким образом гегемонии основной социальной группы по отношению к ряду других зависимых групп. Государство рассматривается на этой стадии, конечно, как механизм, принадлежащий определенной социальной группе и предназначенный создать благоприятные условия для ее максимального развития и для максимального распространения ее влияния. Но развитие этой группы и распространение ее влияния рассматриваются в качестве движущей силы всеобщего развития, развития всех видов «национальной» энергии, то есть интересы доминирующей группы конкретно сочетаются с общими интересами зависимых групп. Государственная жизнь рассматривается при этом как процесс, в результате которого постоянно образуются системы непрочного равновесия между интересами доминирующей группы и интересами зависимых групп, причем эти системы равновесия постоянно удается превзойти, оставаясь в рамках законов. В подобных системах равновесия интересы доминирующей группы превалируют, но лишь до определенной границы, то есть не настолько, чтобы полностью удовлетворить мелкие экономико-корпоративные интересы.

В исторической действительности эти стадии взаимно переплетаются, так сказать, в горизонтальном и вертикальном направлениях, то есть в зависимости от социальной и экономической деятельности (горизонтально) и в зависимости от территории (вертикально), по-разному соединяясь и распадаясь, причем каждая из этих комбинаций может иметь собственное организационно оформленное выражение в экономике и в политике. Нужно учесть, что с этими отношениями, существующими внутри национального государства, переплетаются международные отношения, в результате чего возникают новые оригинальные и исторически конкретные комбинации. Идеология, возникшая в более развитой стране, распространяется в странах менее развитых, втягиваясь в игру этих местных комбинаций. Это соотношение между национальными и международными силами усложняется еще и тем, что в каждом государстве существует ряд областей, имеющих особую экономическую структуру и особые отношения на

всех ступенях развития: примером этого служит Вандея, которая была союзницей международных сил реакции и представляла их в лоне французского территориального единства; также и Лион, в котором в период Французской революции соотношение сил представляло особый узел противоречий, и т. д.

3. Третья ступень → соотношение военных сил, непосредственно приобретающее время от времени решающее значение (историческое развитие происходит в виде постоянных колебаний между первой и третьей ступенями, связующим звеном между которыми служит вторая ступень). Но эта ступень также не является чем-то монолитным, однородным, облеченным непосредственно в схематическую форму: даже в ней можно выделить два момента — момент военных (в узком смысле) или военнотехнических отношений и такой момент, который можно назвать военно-политическим. В ходе исторического развития эти два момента выступают в виде самых разнообразных комбинаций. Типичным примером, который может служить в качестве образца, являются отношения военного подчинения, существующие между тем или иным государством и нацией, стремящейся обрести государственную независимость. Такие отношения носят не чисто военный характер — это военно-политические отношения. И в самом деле, подобное подчинение нельзя было бы объяснить, если бы подчиненный народ не был разобщен в социальном отношении и если бы его большинство не оставалось пассивным; поэтому независимости нельзя добиться с помощью одних лишь военных сил — для ее достижения нужны военные и военно-политические силы. Действительно, если бы подчиненная нация, чтобы начать борьбу за независимость, должна была ждать пока государство-гегемон позволит ей создать собственную армию в узкотехническом смысле слова, то этого пришлось бы ждать очень долго. (Может случиться так, что требование относительно собственной армии будет удовлетворено нацией-гегемоном, но это свидетельствует лишь о том, что значительная часть борьбы осталась уже позади и что она принесла победу в военно-политическом отношении.) Следовательно, подчиненная нация противопоставляет сначала военной силе государства-гегемона только лишь «военно-политическую» силу, иначе говоря, противопоставляет ей такие политические действия, кото-

рые могут обусловить явления военного характера в том смысле, что они могут, во-первых, вызвать изнутри глубокое разложение в военных силах нации-гегемона, а во-вторых, принудить военные силы государства-гегемона растянуться, рассеяться по большой территории, ослабляя тем самым в большой степени их боевую мощь. Можно сказать, что отсутствие в итальянском Рисорджименто военно-политического руководства имело губительные последствия, особенно для Партии действия * (вследствие ее органической неспособности к такому руководству), но также (как до 1848 года так и после него) и для пьемонтской партии умеренных **. Конечно, в этой партии такое руководство отсутствовало не из-за неспособности, а в силу «политико-экономического мальтузианства», другими словами, вследствие того, что партия и слышать ничего не хотела о возможности осуществления аграрной реформы и не хотела созыва национального учредительного собрания; она стремилась только к распространению порядков пьемонтской монархии, без всяких условий или ограничений со стороны народа, на всю Италию в силу простого решения, принятого в результате плебисцитов в отдельных областях страны.

С рассмотренными выше проблемами связан также вопрос о том, являются ли непосредственной причиной глубоких исторических кризисов экономические кризисы. В скрытой форме ответ на этот вопрос содержится в предыдущих заметках, где рассматривается тот же вопрос, но только с других сторон; тем не менее всегда необхо-

---

* *Партия действия* — политическая организация итальянских буржуазных демократов, созданная Мадзини в 1855 году. Сторонники Партии действия отстаивали программу объединения Италии «снизу», на основе движения народных масс, и создания республики. После воссоединения Италии Партия действия распалась; впоследствии группа ее сторонников организовала республиканскую партию. Грамши термином «Партия действия» обозначает буржуазно-демократическое крыло национально-освободительного движения в Италии. *Ред.*

** *Умеренные* (или *либералы*) — сторонники возникшего в 40-х годах XIX века правого, буржуазно-монархического крыла национально-освободительного движения в Италии. Стремясь не допустить превращения движения в народную революцию, умеренные выступали за освобождение Италии «сверху», путем династических войн и дипломатических сделок. Большинство умеренных стремилось к объединению Италии под эгидой пьемонтской монархии. *Ред.*

димо, исходя из соображений дидактического порядка и имея в виду особую часть публики, рассматривать один и тот же вопрос со всех сторон, как если бы каждая из них представляла собой новую и самостоятельную проблему.

Можно с уверенностью сказать, что экономические кризисы сами по себе непосредственно не порождают основных исторических событий; они могут лишь создать более благоприятную почву для распространения определенного метода мышления, постановки и разрешения вопросов, которые охватывают весь последующий процесс развития государственной жизни. Впрочем, любое утверждение, затрагивающее вопрос о кризисных периодах и о периодах процветания, может дать повод для односторонних оценок. В своем историческом обзоре Французской революции Матьез, в противоположность традиционной вульгарной исторической концепции, которая априори «обнаруживает» существование экономического кризиса, совпадающего с крушением системы социального равновесия, утверждает, что к 1789 году экономическое положение страны было довольно хорошее, вследствие чего нельзя говорить, будто крах абсолютистского государства был вызван опустошительным кризисом. Надо указать на то, что государство находилось в когтях жестокого финансового кризиса, в силу чего встал вопрос о том, какое из двух привилегированных социальных сословий должно пойти на жертвы и лишения, чтобы привести в порядок государственные и королевские финансы. Кроме того, хотя буржуазия в экономическом отношении процветала, народные массы города и деревни находились в тяжелом положении, в особенности в городах и деревнях, истощенных повальной нищетой. Во всяком случае, нарушение равновесия социальных сил не являлось прямым результатом, автоматически возникшим следствием обнищания той социальной группы, которая была заинтересована в уничтожении этого равновесия и которая фактически уничтожила его. Уничтожение этого равновесия произошло в рамках конфликтов, происходивших над сферой самой экономики, конфликтов, связанных с классовым «престижем» (то есть с проблемой борьбы за свои экономические интересы в будущем), с обострившимся стремлением к независимости, самостоятельности и власти.

Особый вопрос о загнивании или расцвете экономики как причине возникновения новой исторической действи-

тельности составляет лишь одну сторону проблемы соотношения сил на их различных ступенях. Новая историческая действительность может возникнуть как потому, что расцвету экономики угрожает мелочный эгоизм враждебной группы, так и потому, что загнивание экономики стало невыносимым и нет ни одной силы старого общества, которая была бы в состоянии ослабить этот процесс загнивания и восстановить нормальное положение с помощью законных средств. Таким образом, можно сказать, что все эти элементы являются конкретным проявлением конъюнктурных колебаний, охватывающих всю совокупность отношений социальных сил, на почве чего осуществляется переход от социальных отношений к отношениям политических сил, а затем к кульминационной точке — к отношениям военных сил, которым принадлежит решающее слово.

Если этот процесс в своем развитии не прошел через указанные ступени и если он по существу представляет собой такой процесс, зачинателями и носителями которого выступают лишь отдельные индивидуумы, их воля и способности, то положение останется неизменным. При этом возможны два противоположных результата: или старому обществу удастся устоять и обеспечить себе период «передышки» путем физического истребления *élite* враждебной ему группы и терроризирования масс, являющихся ее резервом, или же произойдет взаимное уничтожение борющихся сил и воцарится могильный покой, который, вероятно, будет охраняться штыком иностранца.

Но самое важное замечание, которое нужно сделать в связи с любым конкретным анализом соотношения сил, сводится к тому, что такой анализ не может и не должен служить самоцелью (по крайней мере для того, кто не пишет истории прошлого) и что он приобретает значение только в том случае, если служит для обоснования практической деятельности и целеустремленной инициативы. Подобный анализ выявляет те точки наименьшего сопротивления, где применение целеустремленных действий может оказаться наиболее плодотворным; помогает при проведении конкретных тактических операций; показывает, как наилучшим образом организовать проведение кампании политической агитации, какой язык будет наиболее понятен для масс и т. д. Решающим фактором в любой ситуации является постоянно действующая организован-

ная и заранее подготовленная сила, которую можно выдвинуть вперед, когда будет решено, что обстановка благоприятствует этому (и благоприятствует лишь постольку, поскольку такая сила существует и охвачена боевым порывом); поэтому главная задача состоит в том, чтобы систематически и терпеливо формировать и развивать такую силу, делать ее все более монолитной, сплоченной, понимающей свою сущность и свою роль. Это показывает вся история войн и проявлявшаяся в любую эпоху забота о том, чтобы армии были подготовлены начать войну в любой момент. Великие державы потому и являлись великими, что в любой момент они были готовы к эффективному вмешательству в благоприятствовавшие им международные события, причем последние благоприятствовали им именно потому, что эти державы имели конкретную возможность эффективно вмешиваться в них.

*Печатается по тексту книги:
Антонио Грамши. Избранные произведения, т. 3. Тюремные тетради, Издательство иностранной литературы, 1959, стр. 130—174*

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Является ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции? Проблема эта сложная, так как реальный исторический процесс формирования различных категорий интеллигенции принимал до сих пор различные формы.

Из этих форм две являются наиболее значительными:

1) Всякая социальная группа, рождаясь на исконной почве экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли не только в экономике, но также и в социальной и политической области: предприниматель-капиталист создает вместе с собой техника для промышленности, ученого — специалиста по политической экономии, организатора новой культуры, нового права и т. д. и т. п. Необходимо отметить тот факт, что и предприниматель представляет собой высший социальный продукт, характеризующийся уже известной организационной и технической способностью (то есть способностью к интеллектуальной деятельности): он должен обладать известной технической способностью не только в непосредственной сфере его деятельности и начинаний, но и в других сферах, по крайней мере близких к экономическому производству (он должен быть организатором человеческих масс, организатором «доверия» участников его дела, покупателей его товара и т. д.).

Если не все предприниматели, то по крайней мере избранные должны обладать способностями организатора общества вообще, всего его сложного служебного организма, вплоть до государственного аппарата (в силу необходимости создавать более благоприятные условия для расширения собственного класса) или должны обладать по меньшей мере способностью выбирать «приказчиков» (специальных служащих), доверяя им эту организаторскую деятельность в области общих взаимоотношений за пределами предприятия. Можно заметить, что представители «органической» интеллигенции, которую каждый новый класс создает вместе с собой и вырабатывает в своем поступательном развитии, являются большей частью «специалистами» в области отдельных сторон основной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет*.

И феодальные синьоры обладали известной технической способностью (в частности, в области военной деятельности), и именно с того времени, когда аристократия теряет монополию в военно-техническом деле, начинается кризис феодализма. Но формирование интеллигенции в феодальном мире, как и в более раннем — античном, является вопросом, подлежащим самостоятельному рассмотрению; это формирование и выработка идут путями, которые должны быть конкретно изучены. Так, следует заметить, что крестьянство, хотя и играет существенную роль в мире производства, но не вырабатывает собственной «органической» интеллигенции и не «ассимилирует» ни одного слоя «традиционной» интеллигенции, хотя другие социальные группы берут в свои ряды многих интеллигентов — выходцев из крестьян, и поэтому большая часть традиционной интеллигенции — крестьянского происхождения.

---

*«Элементы политической науки» Моски [*Gaetano Mosca*, *Elementi di scienza politica*] (новое, дополненное изд. 1923 года) надо исследовать под этой рубрикой. Так называемый «политический класс» Моски есть не что иное, как интеллигенция господствующей социальной группы; понятие «политический класс» Моски следует сблизить с понятием *élite* Парето, которое является другой попыткой объяснить исторический процесс образования и развития интеллигенции и ее роль в государственной и общественной жизни. Книга Моски — мешанина социологического и позитивистского характера с большой дозой тенденциозности, обусловленной непосредственно политическими соображениями, что делает ее менее несносной и более живой в литературном отношении. *Прим. автора.*

2) Однако всякая «существенная» социальная группа, выходя на историческую арену из предшествующего экономического базиса как продукт его развития, могла найти, по крайней мере в предшествующей истории, ранее возникшие категории интеллигенции, которые являлись свидетельством непрерывности исторического развития, не нарушаемой даже самыми сложными и радикальными изменениями социальных и политических форм.

Наиболее типичной из этих категорий интеллигенции являются церковнослужители, узурпировавшие в течение длительного времени (на целую историческую эпоху, которая и характеризуется частично этой монополией) некоторые важные области общественной деятельности: религиозную идеологию, то есть философию и науку эпохи, включая школу, воспитание, мораль, правосудие, благотворительность, общественную помощь и т. д. Категорию церковников можно рассматривать как категорию интеллигенции, органически связанную с земельной аристократией: она была юридически уравнена с аристократией, наравне с которой она участвовала в эксплуатации феодальной собственности на землю и пользовалась государственными привилегиями, связанными с собственностью*.

Но монополия церковнослужителей** в сфере надстроек удерживалась не без борьбы и отнюдь не остава-

---

* При изучении одной категории этой интеллигенции, может быть наиболее значительной после «церковнослужителей» благодаря престижу и социальной роли, которую она сыграла в раннем обществе,— категории *медиков* в широком смысле, то есть всех тех, кто «борется» или делает вид, что «борется» против смерти и болезней,— нужно будет использовать «Историю медицины» Артура Кастильони. Вспомнить, что существовала связь между религией и медициной и в известных районах существует и до сих пор: гоСПИтали паходятся в руках клириков в силу известных организационных функций, и там, где появляется врач, появляется и священник (закливание духов, различные виды благотворительности и т. д.). Многие крупные служители церкви были даже большими «терапевтами» (или принимались за таковых) — распространялась молва о чудесах, вплоть до воскрешения из мертвых. Долгое время также верили, что и короли исцеляют наложением рук и т. д. *Прим. автора.*

** Поэтому во многих языках неолатинского происхождения или испытавших — через церковную латынь — сильное влияние этих языков общепринятое понятие «интеллигент» или «специалист» родилось из слова «*clericus*» с соотносительным ему «*laicus*» в смысле невежды, неспециалиста. *Прим. автора.*

лась неограниченной; этим объясняется и рождение (в различных формах, подлежащих конкретному исследованию и изучению) других категорий, росту которых способствовало усиление центральной власти монарха, нашедшее свое завершение в абсолютизме. Так, мало-помалу шло формирование аристократии тоги с ее собственными привилегиями, слоя администраторов и т. д.; ученых, теоретиков и философов — нецерковнослужителей и т. д.

Так как в этих различных категориях традиционной интеллигенции живет «корпоративный дух», так как они чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои «особые качества», то они и считают себя как бы автономными и независимыми от господствующей социальной группы. Эта позиция «самообособления» не остается без далеко идущих последствий в области идеологии и политики: вся идеалистическая философия может быть легко увязана с этой позицией, занятой социальным комплексом интеллигенции, и определена как выражение той социальной утопии, в соответствии с которой интеллигенты считают себя «независимыми», автономными, обладающими собственными чертами и т. д.

Следует заметить, однако, что если папа и высшая иерархия церкви считаются более связанными с Христом и апостолами, чем с сенаторами Аньелли и Бенни *, то это не имеет место, например, для Джентиле и Кроче; Кроче в особенности чувствует себя прочно связанным с Аристотелем и Платоном, но он не скрывает, что он связан и с сенаторами Аньелли и Бенни, и в этом последнем как раз и следует искать наиболее характерную черту философии Кроче.

Каковы «максимальные» границы понятия «интеллигент»?

Можно ли найти единый критерий для характеристики всех различных и разобобщенных видов деятельности интеллигенции и для установления в то же время существенных различий между этой деятельностью и деятельностью других социальных группировок?

Наиболее распространенной методической ошибкой является, на мой взгляд, попытка искать этот критерий отличия в сущности интеллектуальной деятельности,

* Виднейшие представители итальянского монополистического капитала. Аньелли — главный акционер фирмы «Фиат»; Бенни — главный акционер концерна «Моптекати́ни». *Ред.*

а не наоборот — в совокупности системы отношений, поскольку интеллигенты (и, следовательно, группы, которые ими представлены) находятся в общем комплексе общественных отношений. Действительно, характерной особенностью рабочего, пролетария, например, является не то, что он занимается ручным трудом, а то, что он занимается этим трудом в определенных условиях и в определенных общественных отношениях (оставим в стороне соображение, что не существует чисто физического труда и что даже выражение Тейлора о «дрессированной горилле» есть метафора, указывающая на предел в известном направлении; в любой физической работе, даже наиболее механической и черной, существует минимум технической квалификации, минимум созидательной интеллектуальной деятельности). Выше уже было замечено, что предприниматель в силу самого характера выполняемой им функции должен иметь в определенной мере квалификацию интеллектуального характера, хотя его социальное лицо определяется не ею, а общими социальными отношениями, которые именно и характеризуют место предпринимателя в производстве.

На этом основании можно было бы утверждать, что все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов*.

В действительности различие между интеллигентами и неинтеллигентами проводится только в отношении непосредственной социальной роли профессиональной категории интеллигенции, то есть принимается в расчет направление, в котором находится центр тяжести специфической профессиональной деятельности — в интеллектуальной работе или в нервно-мускульном усилии. Это означает, что если можно говорить об интеллигенции, то нельзя говорить о неинтеллигенции, ибо неинтеллигенции не существует. Но само отношение между интеллектуально-мозговой работой и нервно-мускульным усилием не является всегда одинаковым, и, следовательно, имеются различные ступени специфической интеллектуальной деятельности. Нет такой человеческой деятельности, из которой можно было бы исключить всякое интеллектуальное вмешательство, нельзя отделить *homo faber* от *homo sapi-*

---

* Так, о том, кто жарит себе яичницу или пришивает заплату на куртку, не скажут, что он является поваром или портным. *Прим. автора.*

ens *. Всякий человек, наконец, за пределами своей профессии развивает некоторую интеллектуальную деятельность, является «философом», художником, человеком с определенными вкусами, разделяет определенное мировоззрение, имеет определенную сознательную линию морального поведения, следовательно, играет определенную роль в поддержании или в изменении мировоззрения, то есть в пробуждении нового образа мыслей.

Поэтому проблема создания нового слоя интеллигенции заключается в том, чтобы критически преобразовывать интеллектуальную деятельность, которая в той или иной степени свойственна каждому человеку, изменяя соотношение между интеллектуальной и нервно-мускульной деятельностью, устанавливая равновесие между ними на новом уровне и добиваясь того, чтобы сама нервно-мускульная деятельность, поскольку она является элементом общей практической деятельности, непрерывно обновляющей физический социальный мир, стала основой нового и цельного мировоззрения. Традиционный и вульгаризированный тип интеллигента можно видеть в литераторе, философе, художнике. Поэтому журналисты, которые считают себя литераторами, философами, художниками, видят в себе также «истинных» интеллигентов. В современном мире техническое воспитание, тесно связанное с промышленным трудом, хотя бы самым примитивным и неквалифицированным, должно образовывать базы для нового типа интеллигента.

На этой основе работал еженедельник «Ордине нуово», стремясь развить известные формы нового интеллектуализма и определить новые понятия, и это было не последней причиной его успеха, поскольку такая постановка соответствовала скрытым стремлениям и согласовывалась с развитием реальных форм жизни. Возможность стать новым интеллигентом не зависит более от красноречия — внешнего и кратковременно действующего возбудителя аффекта и страстей, но от активного слияния с практической жизнью в качестве строителя, организатора, «непрерывно убеждающего» делом — а не только ораторствующего — и тем не менее возвышающегося над абстрактно-математическим духом; от практики в виде

---

* Человека физического труда от человека умственного труда.
Прим. перев.

трудо­вой дея­тель­но­сти не­об­хо­ди­мо дви­гаться к прак­ти­че­ской на­уч­ной дея­тель­но­сти и к ис­то­ри­че­ско­му гу­ма­ни­сти­че­ско­му ми­ро­воз­зре­нию, без ко­то­ро­го оста­ется толь­ко «спе­ци­а­лист», а не «ру­ко­во­ди­тель» (спе­ци­а­лист + по­ли­тик).

Так ис­то­ри­че­ски фор­ми­ру­ются спе­ци­а­ли­зи­ро­ван­ные ка­те­го­рии лю­дей для осу­ществ­ле­ния функ­ций ин­тел­ли­ген­ции, фор­ми­ру­ются в свя­зи со все­ми со­ци­аль­ны­ми груп­па­ми, но осо­бен­но с на­ибо­лее важ­ны­ми из них, под­вер­гаясь при этом са­мым ши­ро­ким и сло­ж­ным пре­об­ра­зо­ва­ни­ям в со­от­вет­ствии с раз­ви­ти­ем гос­под­ст­вую­щей со­ци­аль­ной груп­пы. Од­ной из на­ибо­лее ха­рак­тер­ных черт вся­кой груп­пы, ко­то­рая раз­ви­ва­ется в на­прав­ле­нии уста­нов­ле­ния сво­е­го гос­под­ства, яв­ля­ется ее борь­ба за ас­си­ми­ля­цию и «иде­о­ло­гиче­ское» за­во­е­ва­ние тра­ди­ци­он­ной ин­тел­ли­ген­ции — ас­си­ми­ля­цию и за­во­е­ва­ние, ко­то­рые со­вер­ша­ются тем бо­лее бы­стро и дей­ст­вен­но, чем энер­гич­нее дан­ная груп­па фор­ми­рует од­но­вре­мен­но свою соб­ст­вен­ную ор­га­ни­че­скую ин­тел­ли­ген­цию.

То ог­ром­ное раз­ви­тие, ко­то­рое по­лу­чи­ли ор­га­ни­за­ция школь­но­го обу­че­ния и учеб­но-прос­ве­ти­тель­ная дея­тель­ность (в ши­ро­ком смы­сле) в об­щес­твах, под­няв­шихся из сред­не­ве­ко­во­го ми­ра, по­ка­зы­ва­ет, ка­кое зна­че­ние при­об­ре­ли в со­вре­мен­ном ми­ре ин­тел­ли­ген­ция и вы­пол­няе­мые ею функ­ции; как пре­жде пы­та­лись уг­луб­ить и рас­ши­рить «ин­тел­лек­ту­аль­ность» лю­бо­го ин­ди­ви­да, так те­перь стре­мятся уве­ли­чить чис­ло спе­ци­аль­но­стей и усо­вер­шен­ст­во­вать их. Ре­зуль­та­том это­го бы­ло об­ра­зо­ва­ние в каж­дой от­рас­ли на­уки и тех­ни­ки учеб­но-прос­ве­ти­тель­ных уч­ре­жде­ний раз­ных ступе­ней, в­плоть до ор­га­нов, приз­ван­ных дви­гать в­пе­ред так на­зы­вае­мую «вы­со­кую куль­ту­ру».

Школа яв­ля­ется сред­ством под­го­тов­ки ин­тел­ли­ген­ции раз­лич­ных сте­пеней. Сло­ж­ность функ­ций, вы­пол­няе­мых ин­тел­ли­ген­цией в раз­лич­ных го­су­дар­ст­вах, мож­но объ­ек­тив­но из­ме­рить ко­личес­т­вом спе­ци­а­ли­зи­ро­ван­ных школ и чис­лом по­сле­до­ва­тель­ных ступе­ней их: чем ши­ре школь­ный «ар­сал» и чем мно­го­чис­лен­нее «вер­ти­каль­ные ступе­ни» школы, тем сло­ж­нее куль­тур­ный ми­р, ци­ви­ли­за­ция оп­ре­де­лен­но­го го­су­дар­ства. Су­щес­т­вует оп­ре­де­лен­ное ме­рило для срав­не­ния в сфе­ре про­мыш­лен­но­го про­из­вод­ства: ин­ду­ст­ри­а­ли­за­ция стра­ны из­ме­ря­ется тех­ни­че­ской осна­щен­но­стью ма­ши­но­стро­и­тель­ной про­мыш­

ленности и техническим уровнем производства инструментов и наиболее точных приборов, применяемых при изготовлении машин и инструментов для машиностроительной промышленности и т. д. Страна, которая имеет наилучшее оборудование для создания приборов в экспериментальных лабораториях и для выпуска аппаратов для проверки этих инструментов, может называться наиболее передовой в промышленно-техническом отношении, самой цивилизованной и т. д. Таким же образом можно проводить сравнение и в области подготовки интеллигентов и создания в этих целях специальных школ. Подобным мериллом здесь может служить высокая культура школ и учебно-просветительных учреждений. Самой строгой культурной технической специализации не может не соответствовать возможно более широкое распространение начального обучения и стремление всемерно поощрять увеличение числа школ средних ступеней. Естественно, что эта необходимость создать возможно более широкую базу для подготовки работников самых высоких и дифференцированных интеллектуальных профессий — то есть дать высокой культуре и высокой технике демократическую структуру — не обходится без затруднений: так, например, возникает возможность широких кризисов, безработицы средних слоев интеллигенции, как это фактически и происходит в современном обществе.

Надо отметить, что формирование ряда слоев интеллигенции в конкретной действительности происходит не на абстрактной демократической почве, но в соответствии с весьма конкретными традиционными историческими процессами. Сложилась слои, которые по традиции «производят» интеллигентов, причем такими слоями являются именно те, которые обычно специализируются в «сбережении», а именно мелкая и средняя земельная буржуазия и некоторые слои мелкой и средней городской буржуазии. Различное распределение разных типов школ (классические и профессиональные) в пределах «экономической» территории и различные устремления разных категорий этих слоев определяют или, точнее, придают форму «производству» специалистов разных отраслей. Так, в Италии сельская буржуазия «производит» в основном государственных чиновников и лиц свободных профессий, тогда как городская буржуазия «производит» преимущественно техников для промышленности; поэтому

северная Италия производит «техников», а южная — чиновников и лиц свободных профессий.

Взаимоотношения между интеллигенцией и миром производства отнюдь не непосредственные, что характерно для основных социальных групп; они являются в различной степени «опосредствованными» всей социальной тканью, комплексом надстроек, «деятелими» которых и являются интеллигенты. Можно было бы измерить степень «органичности» различных слоев интеллигенции, их более или менее тесную связь с основной социальной группой, регистрируя градацию функций и надстроек снизу доверху (от структурной базы вверх). Можно отметить два больших надстроечных «плана»: план, который можно называть «гражданским обществом», то есть совокупность организмов, вульгарно называемых «частными», и план «политического или государственного общества», которому соответствуют функции «гегемонии» господствующей группы во всем обществе и функции «прямого господства», или командования, выражающиеся в деятельности государства и «законного» правительства. Эти функции являются именно организационными и связующими. Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления, а именно: 1) для обеспечения «свободного» согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое дано основной господствующей группой, — согласия, которое «исторически» порождается престижем господствующей группы (и, следовательно, оказываемым ей доверием), обусловленным ее позицией и ее функцией в мире производства; 2) для приведения в действие государственного аппарата принуждения, «легально» укрепляющего дисциплину тех групп, которые не «выражают согласия» ни активно, ни пассивно; этот аппарат учрежден для всего общества в предвидении возможности наступления такого критического момента в командовании и управлении, когда «свободное» согласие исчезает.

Результатом такой постановки проблемы является очень большое расширение понятия интеллигента, но только таким путем возможно достигнуть первого конкретного приближения к истине. Такой способ постановки вопроса вопиет против кастовых предубеждений. Верно,

конечно, что одна и та же организационная функция социальной гегемонии и государственного господства дает место определенному разделению труда и, следовательно, целой градации специальностей, причем некоторые из них уже не имеют какого-либо директивного или организационного предназначения: в аппарате общественного и государственного руководства существует целый ряд должностей, предназначенных для исполнения функций физического и чисто исполнительского характера (должности, предназначенные для поддержания порядка, а не для выработки идей или мнений, должности агентов, а не чиновников или функционеров и т. д.). Но делать такое различие явно необходимо, как необходимо делать и некоторое другое различие. В самом деле, с точки зрения внутреннего содержания интеллектуальной деятельности также должна проводиться градация ее по ступеням, которые — если брать крайности — дают подлинно качественное различие: на самой высокой ступеньке следует поместить создателей различных наук, философии, искусства и т. д.; на самой низшей — жалких «администраторов» и распространителей уже существующих, традиционных, ранее накопленных интеллектуальных богатств*.

В таком ее понимании категория интеллигенции в современном мире невероятно расширилась. Демократическо-бюрократическая система современного общества произвела внушительную массу интеллигентов, существование которых не всегда оправдано общественными потребностями производства, хотя и необходимо для политических нужд основной господствующей группы. Отсюда берет начало и сформулированная Лориа концепция непроектирующего «работника» (непроектирующего по отношению к кому и к какому роду производства?), которая могла бы частично быть оправдана, если бы учитывалось, что эта масса эксплуатирует свое положение для того, чтобы присваивать огромные суммы, изымаемые из национального дохода. Формирование этой интеллигенции в массовом

---

* Военная организация также даст образец таких сложных градаций: нижние чины, высшие чины, главный штаб; и не следует забывать младших командиров войсковой части, реальное значение которых больше, чем это принято думать. Интересно заметить, что все эти части чувствуют себя слитными и — более того — что низшие слои обнаруживают более явный корпоративный дух и черпают из него «амбицию», которая часто делает их предметом острот и постоянных насмешек. *Прим. автора.*

порядке привело к стандартизации индивидов как в отношении их индивидуальной квалификации, так и в отношении их психологии, определяя те же самые явления, что и во всех других стандартизованных массах: конкуренцию, которая вызывает необходимость в защитных профессиональных организациях, безработицу, школьное переобразование, эмиграцию и т. д.

РАЗЛИЧИЕ ПОЗИЦИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОРОДСКОГО И ДЕРЕВЕНСКОГО ТИПА

Интеллигенция городского типа выросла вместе с промышленностью и связана с ее судьбами. Ее роль можно сравнить с ролью младших офицеров в армии: у нее нет никакой самостоятельной инициативы в выработке производственных планов. Она является связующим звеном между рабочей массой и предпринимателем, добивается своевременного выполнения производственного плана, установленного главным штабом индустрии, контролирует элементарные участки работы. Средние слои городской интеллигенции очень стандартизованы, в то время как высшие слои все больше смешиваются с главным штабом промышленности.

Интеллигенты сельского типа являются в большей части «традиционными», то есть связанными с крестьянской социальной средой и с мелкой буржуазией города (особенно небольших центров), еще не обработанной и не использованной капиталистической системой: этот тип интеллигента устанавливает контакт крестьянской массы с администрацией, как государственной, так и местной (адвокаты, нотариусы и т. д.), и именно в силу этой своей функции играет большую общественно-политическую роль, поскольку профессиональное посредничество трудно отделить от посредничества политического. Кроме того, в деревне интеллигент (священник, адвокат, учитель, нотариус, врач и т. д.) имеет средний жизненный уровень, более высокий или по крайней мере отличный от уровня среднего крестьянина, и поэтому представляет для него социальный образец, о котором тот мечтает, стремясь выйти из своего состояния и улучшить свое положение. Крестьянин думает всегда, что по крайней мере его сын сможет стать интеллигентом (в особенности священником), то есть сделается синьором и таким образом поднимется на более высокую социальную ступень вместе со

своей семьей и облегчит ей экономическую жизнь благодаря связям, которые он сможет установить с другими синьорами. Отношение крестьянина к интеллигенту является, таким образом, двойственным и выглядит противоречивым: он восхищается социальным положением интеллигента и вообще государственного служащего, но временами делает вид, что презирует его: в его восхищение инстинктивно проникают элементы зависти и страстной ненависти.

Ничего нельзя понять в коллективной жизни крестьян, в тех ростках и ферментах развития, которые существуют в ней, если не принимать во внимание, не изучать конкретно и глубоко это действительное подчинение крестьян сельской интеллигенции: всякое органическое развитие крестьянских масс вплоть до известного предела связано с движениями интеллигенции и зависит от них. Иное положение с городской интеллигенцией: инженеры и техники на фабриках и заводах не развивают никакой политической деятельности в отношении рабочих масс или по крайней мере это уже пройденный этап; временами происходит как раз обратное — эти массы, по крайней мере через свою собственную органическую интеллигенцию, осуществляют политическое влияние на технических специалистов.

Центральным пунктом вопроса остается установление различия между категорией органической интеллигенции любой основной социальной группы и категорией традиционной интеллигенции — различия, которое порождает целый ряд проблем и возможность новых исторических исследований.

Наиболее интересной проблемой является — если рассматривать ее с этой точки зрения — проблема современной политической партии, ее реального происхождения, ее развития, ее форм. Что представляет собой политическая партия с точки зрения проблемы интеллигенции? Здесь необходимо сделать некоторые разграничения: 1) для некоторых социальных групп политическая партия есть не что иное, как присущее им средство выработать категорию собственной органической интеллигенции (которая формируется и может формироваться только таким образом, учитывая общие черты и условия формирования жизнедеятельности и развития данной социальной группы) непосредственно в области политики и фило-

софии, но только не в области производственной жизни *;

2) для всех социальных групп политическая партия является механизмом, выполняющим в гражданском обществе ту же самую функцию, которую государство выполняет в более широкой и более синтетической мере в политическом обществе; она заботится об укреплении связей между органической интеллигенцией определенной — а именно господствующей — группы и традиционной интеллигенцией. Эту функцию партия выполняет в зависимости от своей основной функции, заключающейся в подготовке собственных кадров, элементов определенной социальной группы (родившейся и развившейся как «экономическая») вплоть до превращения их в квалифицированных политических интеллигентов, руководителей, организаторов всех видов деятельности и исполнителей функций, присущих органическому развитию интегрального общества, гражданского и политического. Можно было бы даже сказать, что в своей области политическая партия выполняет свою функцию полнее и органичнее, чем государство выполняет свою в более широком диапазоне: интеллигент, который становится членом политической партии определенной социальной группы, смешивается с органической интеллигенцией этой группы, крепко с ней связывается, тогда как в государственной жизни он принимает слабое, а иногда и вовсе ничтожное участие. Однако многие интеллигенты, напротив, считают, что они-то и есть государство. Это мнение, вследствие того, что категория разделяющих его лиц является весьма многочисленной, иной раз влечет за собой значительные последствия и приводит к неприятным осложнениям для основной экономической группы, которая действительно является государством.

«Все члены политической партии должны рассматриваться как интеллигенты». Это утверждение может дать повод для шуток и карикатур; и все же, если поразмыслить, ничто не может быть более точным. Следует сде-

---

* В области производственной жизни формируются те слои, которые, можно сказать, соответствуют «младшим командирам войскового подразделения» в армии, то есть квалифицированные и специализированные рабочие в городе и — более сложным образом — исполщики и колонисты в деревне, поскольку исполщики и колонисты вообще соответствуют скорее типу ремесленника, который, по существу, является квалифицированным рабочим в средневековой экономике. *Прим. автора.*

вать разграничение ступеней: партия может иметь более или менее многочисленный состав, обладающий более или менее высокими достоинствами, но важно не это: важно то, что она должна выполнять руководящую и организующую роль, то есть роль воспитывающей, духовной силы. Коммерсант становится членом политической партии не для того, чтобы с большей выгодой заниматься торговлей, промышленник — не для того, чтобы производить больше с меньшими затратами, и крестьянин — не для того, чтобы усвоить новые методы обработки земли, хотя политическая партия и может удовлетворить в некотором отношении эти требования торговца, промышленника и крестьянина*. Этим целям в известных пределах отвечает профессиональный союз, в котором экономико-корпоративная деятельность торговца, промышленника, крестьянина находит наиболее подходящие рамки. В политической партии лица, принадлежащие к той или иной социально-экономической группе, преодолевают этот момент их исторического развития и становятся проводниками общей деятельности, как национальной по своему характеру, так и интернациональной. Природа этой функции политической партии должна была бы стать более ясной в результате конкретного исторического анализа путей развития органической и традиционной категорий интеллигенции как на специфической почве национальной истории, так и на почве развития разных наиболее значительных социальных групп в рамках различных наций, в особенности тех групп, экономическая деятельность которых была по преимуществу производственной.

Формирование традиционной интеллигенции является наиболее интересной исторической проблемой. Она, конечно, связана с рабством классического мира и с положением вольноотпущенников греческого и восточного происхождения в недрах социальной организации Римской империи.

Примечание. Изменение условий социального положения интеллигентов в Риме со времени республики и до империи (от аристократическо-корпоративного режима до

---

* Общее мнение противоречит этому, утверждая, что «политиканствующие» торговец, промышленник, крестьянин даже теряют, а не выигрывают от вступления в политическую партию и являются худшими представителями своих категорий, но это уже, вероятно, спорный момент. *Прим. автора.*

режима демократическо-бюрократического) связано с Цезарем, который дал право гражданства медикам и преподавателям свободных искусств, для того чтобы они охотнее селились в Риме и призывали других. *Omnesque medicinam Romae professos et liberalium artium doctores, quo libentius et ipsi urbem incolerent et coeteri appeterent civitate donavit* * (С в е т о н и й, Жизнеописание Цезаря, 42). Следовательно, Цезарь поставил перед собой задачу: 1) закрепить за Римом интеллигенцию, которая уже там находилась, создавая таким путем постоянную категорию, поскольку без ее стабильности не могла быть создана культурная организация; необходимо было покончить с имевшими место колебаниями интеллигенции и т. д.; 2) привлечь в Рим лучших интеллигентов всей Римской империи, проводя централизацию больших масштабов. Так берет свое начало та категория «имперской» интеллигенции в Риме, которая найдет своих преемников в католическом клире и оставит столько следов во всей истории итальянской интеллигенции с ее характерной чертой, которой, вплоть до XVIII века, был «космополитизм».

Этот не только социальный, но и национальный, расовый разрыв между значительными массами интеллигентов и господствующим классом Римской империи вновь возникает после падения империи как разрыв между германскими воинами и интеллигентами романизированного происхождения, преемниками категории вольноотпущенников. С этими явлениями переплетается рождение и развитие католицизма и церковной организации, которая на многие века подчинит своим интересам большую часть интеллектуальной деятельности и будет осуществлять монополию в культурном руководстве в сочетании с карательными санкциями по отношению к тем, кто вздумает противиться или обойти эту монополию. В Италии интеллигенция выполняла в большей или меньшей степени, в зависимости от времени, космополитическую функцию.

Я отмечу различия, которые тотчас бросаются в глаза в развитии интеллигенции ряда стран, по крайней мере наиболее значительных; однако следует предупредить, что

---

* Он пожаловал право римского гражданства всем, занимавшимся в Риме врачебной деятельностью, и преподавателям свободных искусств, чтобы этим побудить их к постоянному жительству в Риме, а также привлечь в него новых лиц той же категории (лат.). *Прим. перев.*

эти замечания должны быть подвергнуты проверке и углублению.

Для Италии центральным фактом является именно то, что ее интеллигенция выполняла интернациональную, или космополитическую, функцию; эта функция являлась причиной и следствием того состояния раздробленности, разобщенности, в котором полуостров пребывал со времени падения Римской империи и до 1870 года.

Франция дает законченный тип гармонического развития всех национальных сил и в особенности категорий интеллигенции. Когда в 1789 году новая социальная группировка появилась на политической арене истории, она была полностью подготовлена для выполнения всех социальных функций и поэтому могла бороться за тотальное господство нации, не идя на существенные компромиссы со старыми классами, а, напротив, подчиняя их собственным целям. Первые ячейки интеллигенции нового типа рождаются с первыми ячейками новой экономики: даже сама церковная организация испытала их влияние (галликанство, весьма упорные битвы между церковью и государством). Эта мощь организации интеллигенции объясняет роль французской культуры в XVIII и XIX веках как излучателя интернациональных и космополитических идей, роль ее экспансии, органически происходящей при ее империалистическом и гегемонистском характере и поэтому весьма отличающейся от экспансии итальянской культуры — распространения последней в других странах путем иммиграции туда отдельных ее представителей, — экспансии, не оказывающей обратного влияния на свою национальную базу, чтобы усилить ее, а, наоборот, стремящейся сделать невозможным создание прочной национальной базы.

В Англии развитие интеллигенции во многом отлично от Франции. Новая социальная группировка, родившаяся на базе современного индустриализма, имеет поразительное экономико-корпоративное развитие, но продвигается ощутимо в интеллектуально-политической области. Очень широка категория органической интеллигенции, рожденной на той же самой индустриальной почве, что и сама экономическая группа, но в более высокой сфере сохранилось почти монопольное положение старого земельного класса, который теряет экономическое главенство, но надолго сохраняет политико-интеллектуальное превосход-

ство и ассимилируется новой группой, находящейся у власти, как «традиционная интеллигенция» и как руководящий слой. Старая земельная аристократия объединяется с промышленниками как бы с помощью «шва», который в других странах является как раз тем, что объединяет традиционную интеллигенцию с новыми господствующими классами.

Это английское явление наблюдается также и в Германии, где оно осложнено другими историческими и традиционными элементами. Германия, как и Италия, была тем местом, где господствовал универалистский, наднациональный институт («Священная Римская империя германской нации») и такого же характера идеология. Германия дала известное количество деятелей средневековому мировому граду, обедняя собственные внутренние силы; она завязывала битвы, которые отвлекали от проблем национального объединения и поддерживали территориальное расчленение времен средневековья. Развитие промышленности происходило под жесткой полуфеодальной оболочкой, существовавшей вплоть до ноября 1918 года, и юнкера сохраняли свое политико-интеллектуальное превосходство, значительно более могущественное, чем превосходство такой же английской группы. Они были традиционной интеллигенцией немецких промышленников, но с особыми привилегиями и с твердой уверенностью в том, что они являются независимой социальной группой, поскольку они прочно держали в своих руках экономическую власть над земельными угодьями, более «производительными», чем в Англии. Прусские юнкера подобны военно-жреческой касте, которая имеет почти неограниченную монополию организационно-руководящих функций в политическом обществе, но в то же время они имеют свою собственную экономическую базу и не зависят исключительно от щедрости господствующей экономической группы. Кроме того, в отличие от английских землевладельцев, юнкера были той средой, из которой комплектовался офицерский состав большой постоянной армии, и это давало им прочные организаторские кадры, расположенные к сохранению корпоративного духа и политической монополии*.

* В книге Макса Вебера «Парламент и правительство в новом устройстве Германии» можно найти многие элементы, показывающие, что политическая монополия дворян не только препятство-

В России совершенно другие отправные начала: политическая и экономико-торговая организация была создана норманнами (варягами) *, религиозная — византийскими греками; в последующее время немцы и французы несут европейский опыт в Россию и дают первый существенный костяк русскому историческому «студию». Национальные силы инертны, пассивны и восприимчивы, но, может быть, именно поэтому они полностью ассимилируют иностранные влияния и самих иностранцев, русифицируя их. В более близкий исторический период происходит обратное явление: *élite*, состоящая из наиболее активных лиц, энергичных, предприимчивых и образованных, выезжает за границу, усваивает культуру и исторический опыт более передовых стран Запада, не теряя при этом и наиболее существенных черт собственной национальной культуры, то есть не порывая духовных и исторических связей со своим народом; завершив таким образом свою интеллектуальную подготовку, они возвращаются в страну, принуждая народ к насильственному пробуждению, к ускоренному движению вперед, сжигая за собой мосты. Различие между этой *élite* и импортированной немецкой (Петром Великим, например) состоит в том, что она носит, по существу, народно-национальный характер: ее не может захлестнуть инертная пассивность русского народа, поскольку она сама является энергичной русской реакцией именно на эту историческую инертность.

На другой почве и в совершенно отличных условиях времени и места этот русский вариант может быть сравнен с рождением американской нации (Соединенные Штаты): англосаксонские иммигранты также являются интеллектуальной *élite*, в особенности в нравственном отношении. Нужно говорить, естественно, о первых иммигрантах, о

вала выработке достаточного количества опытных буржуазных политических деятелей, но и являлась основой непрерывных парламентских кризисов и раскола либеральных и демократических партий; отсюда значение католического центра и социал-демократии, которым в имперский период удалось выработать собственный довольно значительный парламентский и руководящий слой.
Прим. автора.

* Роль, которую Грамши приписывает норманнам (варягам), историческими фактами не подтверждается. Русскими и советскими учеными доказано, что процесс социально-экономического развития восточных славян, приведший к появлению у них классового общества и возникновению уже в VI веке первых государственных образований, был обусловлен внутренними факторами. *Ред.*

пионерах, участниках английских религиозных и политических битв, побежденных, но не униженных и не подавленных на их родине. Они вносят в Америку вместе с собой, кроме нравственной и волевой силы, известную степень цивилизации, известную фазу европейской исторической эволюции, которая, будучи пересажена на девственную американскую почву такого рода деятелями, продолжает развивать силы, заложенные в ее природе, но несравненно более быстрым темпом, чем в старой Европе, где существует целый ряд ограничений (политических, экономических, интеллектуальных, моральных, создаваемых определенными группами населения, — остатками прошлых режимов, не желающими исчезнуть), которые препятствуют быстрому и равномерному прогрессу, всякой инициативе, растворяя ее во времени и в пространстве.

В Соединенных Штатах надо отметить отсутствие в известном смысле традиционной интеллигенции и, следовательно, необычное равновесие различных категорий интеллигенции вообще. На промышленной базе возникла компактная система всех современных надстроек. Необходимость равновесия определялась не потребностью слить органическую интеллигенцию с традиционной, которой не существовало как кристаллизованной, ненавидящей повизну категории, а тем, что требовалось сплавить воедино в тигле национальной унитарной культуры различные типы культур, привнесенных иммигрантами разного национального происхождения. Отсутствие значительных паслоений традиционной интеллигенции, отложившихся в странах древней культуры, частично объясняет то, что существуют только две большие политические партии, которые можно было бы, по сути дела, легко свести к одной (здесь уместно провести сравнение с Францией, и не только с послевоенной, когда умножение числа партий сделалось общим явлением), и — в противоположность этому — безграничное множество религиозных сект*.

В Соединенных Штатах наблюдается еще одно интересное явление, подлежащее изучению, — формирование

---

* Мне кажется, их было зафиксировано более двухсот; следует сравнить с Францией и с ожесточенными битвами, предпринятыми для поддержания религиозного и морального единства французского народа. *Прим. автора.*

поразительно большого числа негров-интеллигентов, которые усваивают американскую культуру и технику. Следует подумать о косвенном влиянии, которое эти негры-интеллигенты могут оказать на отсталые массы Африки, и о прямом влиянии, если сбудется одно из следующих предположений: 1) что американский экспансионизм воспользуется неграми США как своими агентами для завоевания африканских рынков и распространения (в Африке) собственного типа культуры (кое-что в этом роде уже сделано, но не знаю, в какой мере); 2) что битвы за унификацию американского народа обострятся до такой степени, что приведут к массовой эмиграции негров и возвращению в Африку наиболее независимых и энергичных интеллектуальных элементов, менее склонных, следовательно, подчиняться возможному законодательству, еще более унижительному, чем современные моральные установления. В этих условиях возникли бы два основных вопроса: а) вопрос о языке: смог ли бы английский язык сделаться культурным языком Африки, объединяя существующую распыленность диалектов? б) смог ли бы этот интеллигентский слой иметь ассимилирующую и организующую способность в такой мере, чтобы сделать «национальным» нынешнее примитивное чувство презираемой нации, поднимая значение африканского континента до создания мифа, стимулирующего объединение, до роли родины, общей для всех негров? Мне кажется, что со временем негры Америки должны будут иметь расовый и национальный дух более негативный, чем позитивный; он будет порожден той борьбой, которую белые ведут с целью их изоляции и притеснения: но не то ли самое было с евреями вплоть до начала XVIII века? Уже американизированная Либерия с официальным английским языком могла бы стать Сионом американских негров с тенденцией превратиться в африканский Пьемонт.

Что касается Южной и Центральной Америки, то, на мой взгляд, вопрос об интеллигенции в этих странах нужно исследовать, учитывая следующие основные условия: здесь также не существует обширной категории традиционной интеллигенции, но тем не менее дело здесь обстоит не так, как в Соединенных Штатах. И действительно, в основе развития этих стран лежат испанская и португальская цивилизация XVI и XVII веков, характе-

ризуемые Контрреформацией и паразитическим милитаризмом. Такие социальные слои, выкристаллизовавшиеся и до сих пор существующие в этих странах, как клир и военная каста, представляют собой категории традиционной интеллигенции, закостеневшие в рамках традиций европейской матери-родины. Индустриальная база очень узка и не развила сложных надстроек; основная масса интеллигенции — интеллигенция сельского типа, и так как в экономике страны господствующую роль играют латифундии и обширные церковные владения, то эти интеллигенты связаны с клиром и с крупными землевладельцами. Национальный состав очень неоднороден даже среди белых и еще сложнее для значительных масс индейцев, которые в некоторых из этих стран составляют большинство населения. Вообще говоря, можно сказать, что в этих американских областях еще существует положение периода *Kulturkampf*'а* и процесса Дрейфуса**, то есть положение, при котором светскому и буржуазному элементу еще не удалось достигнуть фазы подчинения светской политике современного государства клерикальных и милитаристских интересов и влияния. Происходит

---

* *«Kulturkampf»* (нем. *Kulturkampf* — «борьба за культуру») — распространенное в литературе название законов, изданных в Германии правительством Бисмарка; эти законы были направлены против католического духовенства как главной опоры партии так называемого католического центра, отражавшей сепаратистские, оппозиционные прусскому правительству тенденции главным образом высшего духовенства, чиновничества, помещиков и буржуазии Юго-Западной Германии. С помощью «культуркампафа» Бисмарк добивался превращения католического духовенства в послушного проводника прусско-юнкерской политики. На деле никакой борьбы за культуру Бисмарк не вел. В. И. Ленин писал, что полицейскими преследованиями католицизма Бисмарк «только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических...» (*В. И. Ленин. Соч.*, т. 15, стр. 372). *Ред.*

** *Дело Дрейфуса* — судебное дело по обвинению в шпионаже офицера генерального штаба французской армии А. Дрейфуса, инспирированное реакционной военщиной и ставшее предметом ожесточенной политической борьбы во Франции в 90-х годах XIX века. Военный суд, несмотря на полное отсутствие доказательств, приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Расправа над Дрейфусом была использована реакционными кругами для разжигания антисемитизма и послужила исходной точкой наступления против республиканского режима и элементарных демократических свобод. *Ред.*

так, что ввиду оппозиции иезуитству все еще имеет большое влияние масонство и такой тип культурной организации, как «позитивистская церковь».

События последнего времени (ноябрь 1930 года) — от Kulturkampf'a Кальеса в Мексике и до народно-воинских восстаний в Аргентине, Бразилии, Перу, Чили, Боливии — показывают правильность этих замечаний.

Другие типы формирования категорий интеллигенции и их взаимоотношений с национальными силами можно найти в Индии, Китае, Японии. В Японии образование интеллигенции совершалось по английскому или немецкому типу, то есть происходило на основе промышленной цивилизации, развивающейся внутри феодально-бюрократической оболочки, и имело свои собственные отличительные черты.

В Китае налицо та особая письменность, которая выражает полное отделение интеллигенции от народа. В Индии и в Китае огромная дистанция между интеллигенцией и народом проявляется даже в религиозной области. Проблема различных верований и различия в способе восприятия и исповедания одной и той же религии среди разных слоев общества — в особенности среди клира, интеллигенции и народа — должна быть вообще основательно изучена, поскольку в известной степени такие различия наблюдаются повсюду, хотя в странах Восточной Азии можно встретить наибольшие крайности.

В протестантских странах эти различия относительно невелики (размножение сект связано с требованием полного единения интеллигенции и народа, что выявляет в сфере высшей организации всю нечеткость реальных представлений народных масс).

Очень значительны эти различия в католических странах, но и здесь они не всюду одинаковы: не столь велики в католической Германии и во Франции, несколько больше в Италии, особенно на Юге и Островах, и исключительно велики на Иберийском полуострове и в странах Латинской Америки. Это явление в еще больших масштабах проявляется в ортодоксальных странах, где необходимо говорить о трех ступенях одной и той же религии: высшего клира и монахов, мирского клира и народа — и доходит до абсурда в Восточной Азии, где религия народа часто не имеет ничего общего с книжной религией, хотя обе носят одно и то же название.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Можно отметить как общее явление, что в современном цивилизованном обществе все виды практической деятельности сделались столь сложными и науки настолько переплелись с жизнью, что всякая практическая деятельность ведет к созданию школы для руководителей и специалистов, а следовательно, к созданию группы интеллигентов — специалистов более высокой квалификации, которые преподавали бы в этих школах. Таким образом, наряду с такой школой, которую можно было бы назвать «гуманитарной», то есть традиционной, более старой школой, целью которой является развитие в каждом индивидууме общей, пока еще не дифференцированной культуры, развитие основной способности мыслить и уметь самостоятельно ориентироваться в жизни, — наряду с этой школой создается целая система особых школ различных ступеней для тех или иных отдельных производственных отраслей или для профессий, уже специализированных и отличающихся точно определенным профилем. Более того, можно сказать, что свирепствующий сегодня школьный кризис обуславливается именно тем фактом, что этот процесс дифференциации и обособления происходит хаотически, не на основе ясных и точных принципов, без глубоко изученного и сознательно установленного плана; кризис программы и школьной организации, то есть кризис общего направления политики формирования кадров современной интеллигенции, в основном является лишь одним из аспектов и следствием более широкого и общего органического кризиса.

Основное подразделение школы на классическую и профессиональную представляло собой рациональную схему: профессиональная школа — для трудящихся классов, классическая — для классов господствующих и для интеллигенции. Развитие индустриальной базы как в городе, так и в деревне вызвало растущую потребность в создании нового типа городского интеллигента; таким образом, наряду с классической школой появилась школа техническая (профессиональная, но не для подготовки рабочих), и это обстоятельство поставило под сомнение сам принцип конкретной направленности общей культуры, гуманистической направленности этой общей культуры, основанной на греко-римской традиции. А коль скоро эта направленность

поставлена под сомнение, она уже, можно сказать, теряет жизненную силу, поскольку ее воспитательная способность в основном опиралась на общепризнанный и традиционно неоспоримый престиж определенной формы цивилизации.

В наше время проявляется тенденция, с одной стороны, к упразднению всякого типа школы, не преследующей (непосредственным образом) практических целей и чисто «образовательной», или же к сохранению только одной такой школы для небольшого *избранного* круга мужчин и женщин, которым не нужно думать о том, чтобы подготовить себя к определенной профессии, а с другой — ко все более широкому распространению специализированных профессиональных школ, предопределяющих судьбу ученика и его будущую деятельность. Рациональное разрешение кризиса должно осуществиться на базе создания единой начальной школы общей культуры, школы гуманитарной, общеобразовательной, обеспечивающей правильное сочетание развития способности к ручному труду (в области техники, промышленности) и развития способности к умственному труду. От этого типа единой школы путем накопления опыта по профессиональной линии перейдут затем к одной из специализированных школ или к работе на производстве.

В этой связи следует учитывать развивающуюся тенденцию, в силу которой всякая практическая деятельность ведет к созданию соответствующей ей специализированной школы в такой же мере, в какой всякая интеллектуальная деятельность ведет к созданию культурных обществ, принимающих на себя функцию послешкольных институтов, специализирующихся в организации условий, которые предоставляют возможность быть в курсе всех достижений в данной научной области.

Можно также наблюдать, что органы, принимающие решения, все более проявляют тенденцию подразделять свою деятельность на два «органических» вида: вынесение решений (их основная функция) и технико-культурную работу; вследствие этого вопросы, требующие разрешения, сначала изучаются экспертами и анализируются с научной точки зрения. Эта деятельность породила уже целый бюрократический аппарат, имеющий новую структуру, поскольку, помимо специальных отделов, состоящих из компетентных сотрудников, которые готовят технический материал для аппарата, выносящего решения,

создается второй аппарат чиновников (в большей или меньшей степени «добровольцев» и не преследующих корыстных целей), которые отбираются время от времени из работников предприятий, банков, финансовых органов. И этот аппарат является одним из тех механизмов, при помощи которых кадровое чиновничество в конце концов взяло под свой контроль демократические и парламентские установления; теперь этот механизм органически расширяется, захватывает в свою орбиту крупных специалистов, занимающихся частной практической деятельностью, и таким образом контролирует и эти установления и чиновничество. Поскольку речь идет о необходимом органическом развитии, порождающем тенденцию к пополнению кадров специалистов по практическому осуществлению политики таким персоналом, который специализируется в конкретных вопросах, касающихся руководства основной практической деятельностью крупных и сложных современных национальных обществ, то всякая попытка бороться с этими тенденциями извне не приводит ни к каким другим результатам, кроме нравоучительных проповедей и риторических степаний.

Возникает вопрос об изменении системы подготовки персонала, компетентного в технике осуществления политики, путем развития его культуры применительно к новым требованиям и вопрос о подготовке новых типов чиновников-специалистов, которые коллегиально вырабатывали бы и принимали решения. Традиционный тип политического «руководителя», подготовленного только для выполнения юридически-формальных обязанностей, становится анахронизмом, опасным для государственной жизни: руководитель должен обладать тем минимумом общей технической культуры, который позволил бы ему если и не «сочинять» самостоятельно справедливые решения, то хотя бы уметь разбираться в решениях, предложенных экспертами, и затем выбирать из них правильные с «синтетической» точки зрения, применительно к политической технике.

Тип выносящей решения коллегии, которая стремится приобрести необходимые практические знания, для того чтобы действовать на реальной основе, описывается в другом месте, где говорится о том, что происходит в некоторых журнальных редакциях, одновременно выполняющих и функции культурных обществ. Подобное общение

развивает коллегиальную критику и помогает тем самым подготавливать материалы для работы отдельных редакторов, оперативная деятельность которых организуется в соответствии с планом и рационально подготовленным разделением труда. Путем обсуждения и коллегиальной критики (рекомендации, советы, методические указания, конструктивная и направленная на взаимное воспитание критика), благодаря чему каждый работает как специалист в своей области, внося тем самым вклад в коллективную компетенцию, действительно удается поднять средний уровень отдельных редакторов, достигнуть наивысшей искусности и умения, обеспечивая тем самым журналу все более четкую и органически налаженную работу и, кроме того, создавая условия для образования монолитной группы интеллигентов, подготовленных для регулярной и методической работы с «книгой» (не только в смысле выпуска случайных изданий и опубликования статей по частным вопросам, но также и выполнения работ, представляющих собой органическое целое).

Несомненно, при развитии такого рода коллективной деятельности всякая работа способствует развитию новых способностей и возможностей применить свой труд, поскольку она создает все более подходящие условия для работы: картотеки, библиографические карточки, подборка основных трудов по специальным вопросам и прочее. Требуется жестокая борьба с вредными привычками: со склонностью к дилетантизму, к импровизации, к «ораторским» и декламационным решениям. Работа должна выполняться главным образом в письменном виде, и критические замечания также должны быть изложены на бумаге, притом в краткой и сжатой форме, чего можно достичь путем своевременного распределения материала и т. д.; писать заметки и критические статьи — дидактический принцип, обусловленный необходимостью бороться с привычками к многословию и декламации или к паралогизму, порожденному разглагольствованием. Такой способ умственной работы необходим для выработки при самообразовании той дисциплины, которую прививает нормальная учеба в школе, с целью тейлоризации умственного труда. В этом смысле полезно вспомнить принцип «старцев Санта Дзиты», о которых говорил Де Саккис в своих воспоминаниях о неаполитанской школе Базилио Пуоти, то есть полезно своего рода «расслоение» спо-

способностей и навыков и образование рабочих групп под руководством людей наиболее опытных и развитых, которые ускоряли бы подготовку более отстающих и менее развитых.

В изучении вопроса о практической организации унитарной школы важное значение имеет вопрос о школьной учебе на различных ее этапах в соответствии с возрастом и интеллектуально-моральным развитием учащихся, а также с учетом целей, которые ставит перед собой эта школа. Школа унитарная, или гуманитарная (здесь термин «гуманизм» следует понимать в более широком смысле, а не только в обычном), или школа общей культуры должна подготовить юношей к общественной деятельности, доведя их до определенной степени зрелости и развив их способности, сформировав их в интеллектуальном и практическом отношении, привив им умение самостоятельно ориентироваться и проявлять инициативу. Установление срока обязательного школьного обучения зависит от общих экономических условий, ибо эти условия могут заставить потребовать от юношей и подростков немедленно же внести свой вклад в производство. Унитарная школа требует, чтобы государство приняло на себя расходы по содержанию школьников, которые сейчас несет семья, а это привело бы к коренному изменению баланса министерства народного просвещения, вызвав его неслыханное увеличение и усложнение; все дело воспитания и формирования новых поколений превращается из частного в государственное, ибо только в таком виде оно может охватить все поколения, без подразделения на группы или касты. Однако подобное преобразование школьной деятельности требует необычайного увеличения масштабов практических задач в деле организации школьного обучения, имея в виду обеспечение школьными зданиями, научными материалами, преподавательскими кадрами и т. д. Особенно резко должны быть расширены преподавательские кадры, поскольку эффективность работы школы тем больше, чем теснее связь между учителем и учеником, а это в свою очередь ставит другие проблемы, разрешение которых не может быть легким и быстрым. Вопрос о школьных зданиях также не прост, так как этот тип школы должен представлять собой школу-колледж с дортуарами, аудиториями, специальными библиотеками, комнатами для семинарских заня-

тий и т. д. Поэтому вначале новый тип школы должен и может обслуживать лишь узкие группы молодых людей, отбираемых по конкурсу или направляемых соответствующими институтами по своему усмотрению. Период обучения в унитарной школе должен соответствовать периоду нынешнего обучения в начальных и средних школах, реорганизованных не только с точки зрения содержания и метода обучения, но также и в смысле расположения различных ступеней школьной учебы. Срок обучения в начальной школе должен продолжаться не более трех-четырех лет, и наряду с преподаванием «основных» предметов — чтения, письма, начал арифметики, географии, истории — следовало бы специально обучать такому игнорируемому сегодня предмету, как «права и обязанности», то есть давать первые понятия о государстве и обществе в качестве основных элементов нового мировоззрения, вступающего в борьбу с концепциями, присущими различным традиционным кругам общества, — концепциями, которые можно назвать фольклорными. Дидактическая проблема, требующая своего разрешения, заключается в том, чтобы смягчить и сделать плодотворными догматические нормы, а это следует делать именно в первые годы обучения. Остальная часть курса должна занять не более шести лет с таким расчетом, чтобы к 15—16 годам можно было пройти все ступени унитарной школы.

На это можно возразить, что такой курс слишком утомителен из-за быстрых темпов обучения, а к ним придется прибегнуть, чтобы действительно достигнуть тех результатов, которых намеревается, но не может достичь современная классическая школа. Однако можно сказать, что весь комплекс новой организации должен заключать в себе все те общие элементы, из-за которых, наоборот (во всяком случае, для части учеников), прохождение курса ведется слишком медленными темпами. Каковы же эти элементы?

В некоторых семьях, в особенности из интеллигентских кругов, дети получают в семье подготовку, удлиняющую и восполняющую школьную жизнь; они схватывают, как говорится, «на лету» множество познаний и навыков, облегчающих школьную учебу в собственном смысле этого слова: они уже знают литературный язык и углубляют эти познания, то есть обладают средствами выражения и познания технически более совершенными, чем

те средства, которыми обладает половина всех учащихся в возрасте от 6 до 12 лет. Так, городские ученики, только благодаря тому, что они живут в городе, уже к шести годам имеют большое количество познаний и навыков, делающих для них школьную учебу более легкой, более плодотворной и позволяющих быстрее усвоить школьную программу. Во внутренней организации унитарной школы должны быть созданы хотя бы основные из этих условий, не говоря уже о том обстоятельстве, что параллельно с унитарной школой, надо полагать, разовьется сеть детских садов и других заведений, где еще до достижения школьного возраста детей приучают к какой-то коллективной дисциплине и где они приобретают дошкольные познания и навыки.

В самом деле, унитарная школа должна быть организована как колледж-интернат, где днем и ночью коллективная жизнь учеников не стеснена современными формами лицемерной и механической дисциплины; учение должно проводиться коллективно, с помощью преподавателей и лучших учеников, также и в часы так называемых индивидуальных занятий и т. д.

Основная проблема касается той фазы нынешнего школьного обучения, которая представлена в наши дни лицеем и полностью однотипна с обучением в предыдущих классах; отличие ее состоит (если исходить из абстрактного предположения) разве лишь в большей интеллектуальной и моральной зрелости ученика, учитывая, что он стал старше по возрасту и обладает уже ранее накопленным опытом.

В самом деле, между лицеем и университетом, то есть между школой в полном смысле этого слова, и жизнью имеется разрыв, нарушение непрерывности, а не рациональный переход количества (возраст) в качество (интеллектуальная и моральная зрелость). От преподавания, можно сказать, чисто догматического, где большую роль играет память, переходят к стадии созидательной, стадии самостоятельной и независимой работы; от школы с навязанной и контролируемой сверху учебной дисциплиной переходят к стадии профессионального обучения или профессиональной работы, где умственная самодисциплина и моральная самостоятельность теоретически неограниченны. Это происходит тотчас же после кризиса возмужалости, когда еще не закончилась борьба инстинк-

тивных и элементарных страстей со сдерживающим началом характера или совести, находящихся в процессе формирования. В Италии, где в университетах не распространен метод «семинарских» занятий, переход является особенно резким и механическим. Следовательно, в унитарной школе последняя стадия должна рассматриваться и быть организована как стадия решающая, на которой стремятся выработать основные качества, присущие «гуманизму», привить умственную самодисциплину и моральную самостоятельность, необходимые для дальнейшей специализации как в области научной (университетские занятия), так и в области непосредственной практически-производственной деятельности (промышленность, бюрократический аппарат, торговая организация и т. д.). Изучение и усвоение творческих методов в науке и в жизни должны начинаться на этой последней ступени школы, с тем чтобы это не было больше монополией университета и не было пущено на самотек в практической жизни. Эта стадия школьного обучения должна уже способствовать развитию элементов личной ответственности и самостоятельности, то есть быть школой созидательной. Здесь необходимо проводить различие между школой созидательной и школой активной, даже исходя из метода «Дальтон-плана». Вся унитарная школа — школа активная, хотя и необходимо установить рамки вольничанью в этой области и потребовать довольно категорически выполнения своего долга со стороны взрослых, то есть государства, в деле «надлежащего формирования» («конформирования») новых поколений. Пока еще мы находимся в романтической стадии активной школы, в которой наблюдается патологически чрезмерный рост проявлений борьбы против механических и иезуитских методов воспитания, что обусловлено стремлением к отрицанию и полемике; пужно вступить в фазу «классическую», рациональную, находя естественный источник для разработки методов и форм в тех целях, которых следует достигнуть.

Созидательная школа является завершением активной школы: на первой стадии обучения пытаются ввести дисциплину, а следовательно, нивелировать, добиваться своего рода «конформизма», который можно назвать «динамическим». На стадии созидательной на основе достигнутого «коллективизирования» социального типа

стремятся развить личность, уже обретшую самостоятельность и чувство ответственности, но теперь добиваются этого уже путем привития твердого и непоколебимого сознания нравственного и общественного долга. Таким образом, созидательная школа — это не школа «изобретателей и открывателей», она представляет собой фазу в развитии павыков исследования и познания, обучает методам их, но не претворяет в жизнь заранее установленной «программы» с обязательной целью внести в нее любой ценой оригинальность и новшество. Эта школа показывает, что обучение происходит главным образом благодаря тому, что ученик добровольно и самостоятельно прилагает усилия, а преподаватель выполняет лишь свою функцию дружественного руководителя, как это происходит или должно происходить в университете. Самостоятельное, без подсказывания и посторонней помощи, отыскание истины является процессом творческим (даже если эта истина устарела); он свидетельствует об овладении методом; во всяком случае, он знаменует собой вступление в фазу умственной зрелости, когда могут открываться новые истины. Поэтому на данной стадии основная деятельность школы развивается в семинарах, в библиотеках, в экспериментальных лабораториях; именно на этой стадии накапливаются органические предпосылки для выбора профессии.

Унитарная школа знаменует собой начало новых взаимоотношений между умственным и физическим трудом не только в школе, но и во всей общественной жизни. Поэтому унитарный принцип должен оказать воздействие на все организации культуры, преобразуя их и вкладывая в них новое содержание.

*Печатается по тексту книги:
Антонио Грамши. Избранные произведения, т. 3. Тюремные тетради, Издательство иностранной литературы, 1959, стр. 457—467*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
из «ОРДИНЕ НУОВО»	17
Дать истории	—
Завоевание государства	23
Рабочие и крестьяне	30
Пролетарское единство	36
За обновление социалистической партии	42
Коммунистическая партия	50
ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ	63
Элементы политики	—
Политическая партия	67
Предвидение и перспектива	77
Анализ ситуации. Соотношение сил	81
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	95
Интеллигенция и организация культурной деятельности	—
Формирование интеллигенции	—
Различие позиций интеллигенции городского и деревенского типа	105
Организация школьного обучения и культурной деятельности	117

АНТониО ГРАМШИ
ДАНЬ ИСТОРИИ
ВЫПУСК № 53

Редактор *Ф. Вейнберг*
Оформление художника *И. К. Байтодорова*
Технический редактор *Е. М. Сербин*
Корректоры *Г. П. Шалина* и *Р. В. Шемлякина*

Сдано в набор 30 июля 1960 г.
Подписано к печати 16 ноября 1960 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 4.
Условн. печ. л. 6,56. Уч.-изд., л. 6,66.
Тираж 54 тыс. экз. А 06884. Заказ № 1875.
Цена 1 р. 55 к. с 1/1 1961 г. цена 16 коп.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская ул., 16.

1 р. 55 к.

с 1/1 1961 г. цена 16 коп.